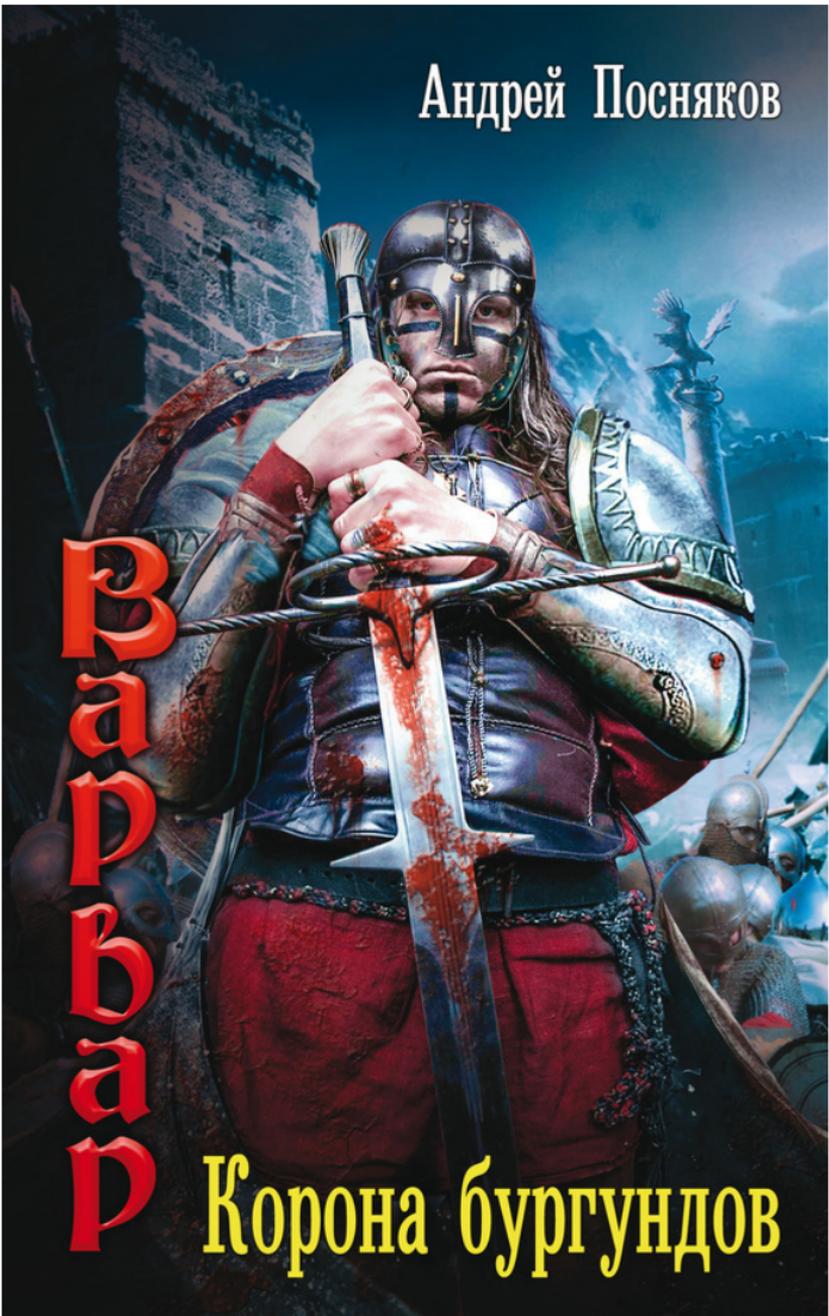

Андрей Посняков

В
а
р
в
а
р

Корона бургундов

Андрей Анатольевич Посняков
Корона бургундов
Серия «Варвар», книга 2
Серия «Ведунская серия (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19259223
Варвар: Корона бургундов: роман : АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-097497-9

Аннотация

Сталкиваясь, гремят щиты, утробно грохочут боевые барабаны, голодными волками воют трубы! Звенят мечи, и тучи стрел затмили небо. 453 год. В последней битве за Галлию встретились огромное войско вестготского короля Торисмунда и непобедимая рать Атиллы. Однако была еще и третья сторона – чума, которую одинаково боялись все.

В рядах гуннской рати отважно сражается словенский князь Радомир, сражается вовсе не за победу Атиллы, а за свое счастье. Свое и своей юной супруги – Хильды, Ильдикю – девы из древних бургундских легенд. Дева и древняя корона бургундов – все это вместе дает невиданное могущество и власть, именно в этом – последний шанс Атиллы, именно ради этого ищет красавицу Ильдикю посланный могущественным властелином гуннов друид – последний друид Галлии, еще приносивший в далеких горах

кровавые жертвы жестоким древним богам. Возродить язычество – вот цель друида, ради этой цели он намерен использовать самого Аттилу, позднее прозванного «Божьим бичом».

Ильдико-Хильда похищена, но об этом не догадывается Радомир, отправившийся в Галлию за короной бургундов, ведь именно она сможет спасти от неминуемой гибели его юную жену. Спасти... и вернуть в двадцать первый век, ведь Радомир – Родион Миронов – попал в те древние и жуткие времена из нашей эпохи.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	47
Глава 3	87
Глава 4	128
Конец ознакомительного фрагмента.	130

**Андрей Анатольевич
Посняков
Корона бургундов**

© Андрей Посняков, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава 1

Лето. Южная лесостепь

Вот это новости!

В кабине не нового, но вполне еще крепкого грузовичка ГАЗ-51 ехали трое. Водитель, Серега, конечно же, мог бы подвезти пассажиров и в кузове, да вот только с кем тогда поболтать? Самому с собой, что ли. Обычно Серега песни пел, разные: то протяжные, из кинофильма «Кубанские казаки», а то – задорные, частушки, что по праздникам наигрывал в местном клубе Кольша-гармонист.

Вот как раз о Кольше шофер сейчас и говорил, вспоминая, как упившийся гармонист как-то по осени, ближе к октябрьским праздникам, упал в глубокую лужу.

– Главное ведь – и как не замерз-то?

– Видно, Бог спас, – улыбнулась пассажирка – очень красивая девушка лет восемнадцати, с большими темно-голубыми глазами и длинными, падающими на плечи, волосами, цвета белого золота. Именно так – не серебра, а белого золота, есть ведь и такой цвет.

– Бог? Так ведь Кольша, извините-простите, неверующий, как и все, – сбрасывая скорость на повороте, хмыкнул водила. – Он ведь не дед какой-нибудь, Кольша-то, хотя и не парень – мужик самостоятельный, взрослый, войну еще застал

– как раз в сорок пятом призвался.

Шофер ненадолго замолк, искоса оглядывая пассажиров – девчонка, да, очень красивая, с такой не стыдно показаться в клубе. Еще бы приодеть, а то... Платье какое-то старорежимное, с вышивками, такое, верно, лет сто назад старухи по праздникам одевали, когда еще не старухами были, а молодыми девками... такими вот, как эта. Ишь, глазища-то! Как два моря! Эх-х...

Непроизвольно вздохнув, Серега прибавил скорость – с девками ему пока что-то не очень везло. До армии никого не было, никого серьезного, да и вот, после службы что-то не очень клеилось. Ну, так ведь недавно и вернулся, какие наши годы? А этому парню, Родиону – так ведь его зовут, кажется – с девчонкой повезло. Интересно, кто она ему? Неужели – жена? Что ж, в таком случае только позавидовать можно. А вообще-то – оба они странные. Одеты – черт-те как! На парне – рубаха длинная, стариковская, красным пояском подпоясанная, такие же стариковские штаны, а уж обувь... башмаки, вроде как кожаные, но – наподобие лаптей, с оплеткой.

– Извините-простите, это что же у вас за одежка-то?

– А, честно сказать, с пугала сняли, – как-то не сразу отозвался Родион. – На попутках добрались, жарко, употели все, а тут – речка. Ну и решили выкупаться... Плавали, глядь – ни одежды, ни чемодана. А тут, на огородах – пугала... Ну, не голыми же идти? Вообще-то мы – туристы, слет у нас тут.

– Угу, угу, – покивал шофер. – Туристы, значит? А где вы

купались-то? Случайно, не у железнодорожного переезда?

– Да... вроде там.

– Тогда понятно. Извините-простите, местечко приметное.

– А что такое?

– Да так... Мазурики всякие, шпана городская – как раз у переезда отдыхать любят. Сколько их не отваживали, а все без толку. Ну, ничего, дайте срок, всех комсомольцев в станции подыдем... А вы где живете-то?

– Далеко, на севере, в лесах...

– Из староверов, что ли?

– Ну... почти.

– А я так и подумал! – засмеялся шофер. – Говор у вас уж больно чудной – на старинный лад. Особенно вот, у... Ой... Забыл ведь имя-то, извините-простите...

– Хильда я...

– Что-о?! – шофер повернул голову. – Не расслышал, извините-простите.

– Лидой мою супругу зовут, – улыбнулся парень.

Обычный такой, но смазливый, из тех, что девкам дюже нравятся, не слабый, мускулистый, высокий, патлы нестриженные, светлые, а глаза – карие.

– Радик, извини-прости, спрошу – а ты что такой лохматый-то? Не из попов часом? Или, может, этот... семинарист.

– Да нет... – усмехнувшись, Родион прислушался к ровному шуму мотора и, одобрительно кивнув, похвалил. – А

движок-то, я смотрю, ничего!

– Ха! Ничего? – обиженно дернул плечом водила. – Да я его только весной перебрал! Теперь и оборотиков прибавить можно... Восемьдесят запросто прет! Ну... недолго, правда, дольше нельзя – греется. Да и вкладыши коленвала полететь могут, стеллабитовые, плаваются, гады, а масла для смазки не хватает – конструкцией мотора не предусмотрено. Зато цилиндрам сносу нет и кольца хромированные. Вообще, движок – что надо! Да что я тебе рассказываю, ты ж сам, говоришь – шофер.

– Шофер, – кивнул Родион... и хотел было добавить, что на таком музейном старье отродясь не ездил, но не успел – расхваленный Серегой двигатель вдруг зачихал... и заглох.

– Вот черт! – остановив катящуюся по инерции машину, выругался водитель. – Ведь только что... Сейчас, извините-простите, гляну.

– Пойду, помогу... – Родион нежно погладил по щеке девушку. – Милая, ты как? Не тошнит от скорости?

– Не тошнит, – улыбнулась Хильда. – Только жарко. А скорость... так она на лошади куда как больше чувствуется. А здесь что – сел да сиди. Только вот запах... не то, чтобы неприятный, но – незнакомый какой-то.

– Бензин.

– Вот видишь – ты здесь все знаешь. А значит, и мне не из-за чего беспокоиться. К тому ж я тебе обещала ничему не удивляться... вот и не удивляюсь. Но, когда одни останемся

– тебя много чего спрошу.

– Спрашивай, – хохотнув, молодой человек чмокнул девушку в щеку и выпрыгнул из кабины, галантно подав руку. – Прошу.

– Вспомнила! – прыгнув на обочину, Хильда радостно всплеснула руками. – У Влекумера-жреца так же вот снадобья пахли. Ой... сколько ромашек здесь! И васильки, и колокольчики. Пойду, нарву на венок?

– Рви, милая.

Девушка улыбнулась, слегка качнув головой, в темно-голубых, глубоких, как океан, глазах ее вдруг вспыхнули лукавые искорки.

– Ах, если бы не этот возница. Как ты его назвал?

– Шофер.

– Шо-фер. Кажется, он неплохой парень. Забавный. Я бы даже сказал – смешной. Но – славный, да-да, славный. И нерешительный... такой же, как – иногда – ты.

– Это я-то – нерешительный?

– А помнишь нашу свадьбу, там, в Галлии? Секвана-река, арена Лютеции... Никогда такого не было, чтобы готы со словенами венчались. Хотя, говорят, в седую старину – было. Еще до гуннов.

– Ладно, собирай свои цветки, милая. А я шоферу помогу.

Это Родион произнес вовремя – водила как раз выглянула из-под открытой крышки капота:

– Слышь, Радик... Ты тут гаечку одну зажми...

Молодой человек вскочил на бампер:

– Не переживай, починим.

Уже измазавшийся в масле Серега потерянно махнул рукой:

– Если не починим... Ох, устроит мне тогда Степаныч головомойку – извини-прости! Еще и номер, вон, передний потерял. Видать, на болотине, теперь хоть обратно езжай. Ладно, завтра в тех краях буду – заверну, гляну.

– Серый, дай-ка на двенадцать ключ... Ага... Теперь тут подержи отверткой. Угу... А ты чего вообще на болотине-то делал?

– Да за водичкой свернул... Понимаешь, забыл с утра долить.

– Эх, слышал бы тебя наш старшина Дормидонт Кондратьевич! Ты б у него за такие слова до конца службы из нарядов не вылез... Что, радиатор течет?

– Да есть маленько.

– Так делай!

– Извини-прости, некогда сейчас – страда, а шоферов у нас мало.

– Некогда ему... Давай тут покрутим... о-оп!

– А ты, Радик, где служил-то?

– В Заполярье.

– А я на Дальнем Востоке, в Хабаровске. Давно демобилизовался?

– Весной.

– А я осенью. Ха! Извини-прости, ты когда хоть такие патлы успел отрастить? И, главное – зачем? Ты, может, этот – стилияга, что ли?

– Сам ты стилияга! Просто... просто я это... в самодеятельности участвую.

– Ого! И я! У нас целый народный хор есть и этот... оркестр русских народных инструментов. Один Кольша-гармонист чего стоит, хоть, между нами говоря, и пьяница. А вот еще с ним случай был...

– На десять ключ есть?

– Да был. Вон тут где-то.

– Подержи... Ага... Теперь попробуем завести.

Двигатель завелся сразу, заурчал, заработал, к вящей радости шофера Сереги, который, похоже, водила был тот еще.

– А ну, погазуй! – махнул рукой Радик. – Погазуй, говорю... Ага... Ну, все, кажется. Едем.

– Едем! – радостно отозвался водитель. – Извините-простите, доставлю в лучшем виде! Вам куда? В станицу?

– В станицу, – улыбнувшись, молодой человек помог забраться в кабину супруге и уселся рядом. – Куда же еще-то?

– Ой! – поправив на голове венки, засмеялась Хильда. – У тебя, милый, нос и щеки – в грязи испачкались, дай-ка, вытру.

– Ха, вытру, – переключив передачку, усмехнулся Серый, грязный не менее, а быть может, и более. – Тут бензином надо.

Оставляя за собой столб густо-желтой пыли, грузовичок бодро покатыл по грунтовке.

– Хорошая машина, – снова принялся нахваливать водитель. – Я вот в армии на сто пятьдесят первом ЗИСе ездил, ну, ты знаешь, «утюгом» еще их прозывают.

– У нас называли – «колун». Только сто пятьдесят седьмой... и не ЗИС, а...

– Так вот, я и говорю – вездеход якобы! Заедешь куда в грязь – нипочем сам не выберешься, задние-то колеса – двойные, им колею заново пробивать, забьются всякой хренью, тьфу! Вот шестьдесят третий газон – куда лучше.

– А этот, я смотрю, в неплохом состоянии.

– Так всего-то восемь лет машине!

– Сколько-сколько?!

– О! – вместо ответа, водила кивнул в окно. – Вот и приехали – вон она, станица!

Хильда с Родионом давно уже с любопытством пялились в окошки. Станица оказалась довольно большой и выглядела, как и должно, наверное, выглядеть любому сельскому поселению без всяких урбанистических выкрутасов. Основу всех местных строений составлял обширный частный сектор – беленые мазанки с живописными садиками, кроме того, на главной площади, где наконец остановилась машина, располагались с полдесятка двухэтажных домов, облицованных разноцветной штукатуркой. Над входом в каждый из

них имелась вывеска, на том здании, возле которого сошли пассажиры ГАЗона, было написано...

Родион не успел прочитать.

– Здравствуйте, граждане! – прозвучала четкая фраза. – Кто такие будете?

Милиционер!

Родион вздрогнул, хотя никаких причин опасаться милиции не имел, просто... Просто милиционер – именно милиционер, а не «господин полицейский» – выглядел как-то... по опереточному, что ли. Словно бы и не настоящий – в синих галифе и ослепительно белом кителе, в такой же белой фуражке. Между прочим – при кобуре и густых черных усах.

– Здравствуйте, гос... товарищ старший лейтенант, – посмотрев на погоны, Родион приветствовал представителя власти на армейский манер. – Мы... с супругой – туристы, вот, заблудились, отстали от своих.

– Одеты вы странно, – задумчиво промолвил милиционер и, искоса взглянув на водителя, ухмыльнулся. – А вы, товарищ Шматко, почему не на колхозном поле?

– Так, извините-простите, в город ездил, агронома отвозил. У меня и маршрутное задание есть, вот...

Сергея – как показалось Родиону, несколько суетливо – вытащил из кармана замасленной спецовки сложенный вчетверо листок.

– Та-ак... – милиционер внимательно вчитался. – Все есть – печать, подпись – директор МТС товарищ Райский. Лично

к вам, товарищ Шматко, у меня претензий нет. А вот у директора МТС – найдутся! Он тебя уже часа три дожидается, костерит, почем зря.

– Да-да, это... сломался немножко – чинили.

– Это ты начальству своему расскажешь. Давай-ка, Серега, езжай!

– Да-да, – поспешно убрав маршрутный листок, водила запрыгнул в кабину. – А как же...

– А с этими гражданами я разберусь, не сомневайся.

– Да, да, мы уж тут теперь сами, – улыбнулся Родион. – Спасибо, Серега, что подвез.

Махнув рукой Сереге, милиционер обвел молодых людей долгим подозрительным взглядом:

– Туристы, говорите? Ну-ну... идемте-ка, граждане, со мной! Посмотрим, какие вы туристы.

– Да-да, конечно, – взяв супругу под руку, молодой человек улыбнулся. – Товарищ старший лейтенант, нам бы позвонить...

– Позвоните, – положив руку на кобуру, представитель власти подкрутил усы. – Или я за вас позвоню... куда следует. Ну, шагайте же, чего встали? Не вздумайте только бежать... пуля догонит.

– Это шутки у вас такие?

– Шутки, шутки. Во-он к тому крылечку шагайте.

Хильда с любопытством крутила по сторонам головой, но покада ничего не спрашивала – терпела, как и обещала, ста-

рательно скрывая удивление. Кстати, Родион тоже оказался удивлен ничуть не меньше, во все глаза рассматривая прохожих: пожилых женщин в ситцевых платьях, платках и каких-то непонятных чоботах, вежливо кивнувшего милиционеру велосипедиста – молодого белобрысого парня в белой, с выпущенным поверх пиджака воротником, рубашке, и – несмотря на ощутимую жару – в кирзовых сапогах.

– Здравствуйте, товарищ Лапиков!

– Здорово, комсорг!

– На собрание завтра приходите, не забудьте.

– Не забуду, – старший лейтенант махнул рукой. – В клубе будет?

– В правлении. Вечером, поздно. Повестка дня – «О повышении темпов уборочной».

– Хорошо, буду.

– Хэй, хэй! – из какой-то улочки вылетала вдруг босоногая ребятня, гоня перед собой большой обруч. – Здравсьте, дяденька участковый!

– Здорово, хлопцы. Куда так спешите?

– На пришкольный участок, а потом – на ток.

– Молодцы! Правильно, нечего в страду бездельничать... как некоторые туристы. Вон, по крылечку поднимайтесь. Вы, гражданочка, пока, вот туда, в уголок, присядьте. А вы, молодой человек – сюда, перед столом. Ну-с...

Усевшись за конторский стол возле массивного сейфа, старший лейтенант подвинул к себе листок бумаги и, взял в

руку какую-то совсем уж антикварную ручку с пером, спросил:

– Итак... Фамилия, имя, отчество?

– Миронов, Родион Дании... – начал было Радик, да, машинально подняв глаза, так и застыл.

Сверху, с висящего над сейфом портрета, на него строго взирал некий товарищ с несколько одутловатым лицом и в пенсне – Лаврентий Павлович Берия!

– Ах, вон оно что-о... – шепотом протянул молодой человек. – То-то я и смотрю – «газон», комсорг, собрание... Берии вон, потрет. Значит, промахнулись – попали в пятьдесят третий год! Или, скорее даже в пятьдесят второй. Хотя нет – в пятьдесят третий, иначе б тут Сталина портрет висел, а не Берии. А Берию, кстати, летом пятьдесят третьего арестовали уже, в конце июля... или чуть позже... эх, не вспомнить точно...

– Что вы там шепчете, молодой человек? Итак, Миронов, Родион...

– Родион Даниилович.

– Ишь ты – Даниилович! Год рождения?

– Год?

Тут внезапно зазвонил телефон.

Родион родился в конце двадцатого века. Рос без родителей, у приютившей его тетки, относившейся к племяннику довольно прохладно. Ну, да ладно – окончил школу, ПТУ

(профессиональный лицей, как сейчас говорят), отслужив в армии, подался в фирму «Стройлес», водителем лесовоза с фискалсом, и даже поступил в местный филиал университета на факультет социальных – просто интересно было. С детства занимался туризмом, а это такая заразная штука, что с годами не проходит, а, наоборот, становится все привязчивее – вот и Радик, взяв на работе пару недель за свой счет, рванул в августе на туристский слет, сюда вот и рванул – на юг России. С друзьями, с преподавателями, с девушками. С песнями у ночного костра и романтическими прогулками под луною, короче – со всем тем, что делает таким привлекательным спортивный туризм, который для многих уже не просто спорт – образ жизни.

Ой, как славно-то было... До тех пор, пока Радик на ночном ориентировании не провалился в болото... из которого выбрался в пятый век от рождества Христова! Во времена гуннов и их могучего повелителя – Аттилы!

Молодой человек и раньше видел странные сны – ему снилось, что он – могучий древний богатырь, словенский князь Радомир, снились бескрайние степи и кровавые битвы, и снилась она... Хильда, готская красавица с темно-голубыми глазами. Таких нереальных красавиц Радик не видел наяву никогда... а в своих снах знал, что именно она предназначена ему в суженые! Так и вышло, так стало... Но один Господь знает, сколько для этого пришлось пережить! Стать своим в словенском роду, попасть к гуннам в качестве «налога кро-

вью», изведать черное предательство и дружбу... и, конечно – любовь! Хильда... Молодой человек даже не знал – счастлив ли был в том времени, времени смутных легенд? С одной стороны – рядом Хильда и верные друзья, положение в обществе, которого добился сам, особенно, после знаменитой битвы в Галлии, на Каталаунских полях, битвы народов, во время которой войска Аттилы вынуждены были уступить римскому полководцу Аэцию.

После битвы доверенное лицо повелителя, Варимберт-херцог, отправил Родиона – Радомира или просто – Рада, как звали его все – обратно к словенам, набрать небольшой отряд. Родион поехал... решив сделать все, чтобы вернуться домой, в свою эпоху. Вернуться не одному, конечно же – с Хильдой, а как же иначе?! Ведь эта славная девушка верила ему, любила... и, кстати, тоже видела сны. Сны – о будущем. Потому, наверное, и не боялась сейчас ни автомашин, да и вообще ничего. Что и говорить – в мире нашлось бы мало того, что могло по-настоящему испугать готскую красавицу-принцессу.

– Да, да, Федот Степаныч, сидит у меня тут какой-то... Ну, подъезжай, заходи, ладно, посмотрим.

Положив трубку на рычаг черного телефонного аппарата, старший лейтенант – судя по всему – местный участковый уполномоченный – вздохнул и посмотрел на задержанного:
– Так ты, говорят, шофер?

– Шофер, – согласно кивнул молодой человек и, предупреждая следующий вопрос, промолвил: – Только документов у меня нет – все украли!

– Ах, вот как? Украли, значит? – представитель власти азартно хлопнул руками. – Признаться, нечто подобное я и ожидал. Эх, жаль, самому некогда с вами заняться – уж, поверь, раскрутил бы, не таких раскручивал – но... Сейчас опрошу да передам вас в район, а уж там как знают. А сам – в Москву, на курсы! – старший лейтенант закатил глаза и мечтательно улыбнулся. – Эх, Москва, Москва, столица. Давненько я там не был, с войны, тогда совсем сопливый был, вот, как ты...

За окном, на улице, шумнула машина, в дверь постучали и, не дожидаясь ответа, в кабинет вошел дородный товарищ лет пятидесяти, в серой пиджачной паре, вышитой украинской рубашке и шляпе. Круглое, в общем-то, добродушное, лицо незнакомца было покрыто крупными каплями пота, стекавшими за ворот рубашки полноводными весенними ручьями. Портрет дополняли вислые казацкие усы непонятного рыжевато-седоватого цвета и орден Красной Звезды.

– Здорово, Василич, – поручкавшись с участковым, вошедший скользнул любопытным взглядом по скромно приутившейся в уголке Хильде и тут же повернулся к Радикю:

– Ты Сереге Шматко машину починить помог?

– Это «газон»-то? – молодой человек пожал плечами. –

Ну – я. Там у него еще радиатор течет... Снять недолго.

– Ай, молодец! Тебя Родионом кличут?

– Родионом.

– А я – Федот Степаныч Райский, директор здешней МТС...

– Телефонной сети?!

– Шутим... Машинно-тракторной станции! Мне шофер и механик во как, позарез нужны! Страда, сам понимаешь.

– Э, э, Степаныч! – замахал руками милиционер. – А ну-ка, охолони. Не знаю, какой этот парень шофер...

– Зато я знаю!

– ...а документов-то у него, точно, нет никаких!

– И про это я слышал, – пододвинув свободный стул, директор машинно-тракторной станции уселся перед участковым и сузил глаза. – Подумаешь, документы украли. Развели тут мазуриков. А товарищ Берия на съезде колхозников-ударников что сказал? Излишняя подозрительность вредит делу – вот что! И товарищ Маленков, кстати, его...

– Ой, Степаныч! – участковый схватился за голову. – А может, эти двое – английские шпионы? Или – американские? Вредить нам заброшены.

– Ага, шпионы... С такими-то патлами? Это все равно, что табличку на груди повесить: «я – английский шпион», хватай меня, доблестный товарищ Лапиков, получай на погон лишнюю звездочку. Так ведь не получишь! Посмешищем только в районе станешь, ты ведь их в район собрался

отправить?

– Ну, в район, – неохотно согласился старший лейтенант. – Ты ж сам знаешь, мне завтра на курсы ехать, сейчас уж и выезжать, пока в райцентр доберусь, пока поезд. Этих бы заодно и сvez, сдал бы. Пусть уж в районе с ними решают.

– Так-так... – еще больше прищурился Райский. – Значит, не хочешь родному колхозу помочь, шофера лишаешь. И это – в страду! Вредитель ты, товарищ Лапиков, самый настоящий вредитель!

– Ну-ну, – поиграв желваками, участковый расстегнул китель. – Ты это... не очень-то!

– Ох, Василич, Василич... водички нальешь?

– Да пей, вон графин.

– Спасибо, – напившись, директор МТС поставил стакан на стол и продолжил, хищно глядя на старшего лейтенанта: – Ты надолго на курсы-то?

– На десять дней.

– Вот декаду, значит. Вот и отлично! Мы как раз уборочную закончим... почти. Ну, оставь шоферюгу, а? Запросы мы, куда надо, отправим. Сам подумай, всего-то десять дней? Ну, чего эти «шпионы» сопленосые здесь натворят-то?

– Ну, не могу я, понимаешь – не-мо-гу!

– Василич, ты зарплату от кого получаешь?

– От колхоза «Светлый путь», а что?

– А то. Дай-ка телефон, позвоню председателю.

Шумно вздохнув, директор завертел диск:

– Але, але... Девушка! Ты мне председателя дай-ка, колхоза «Светлый путь» председателя, Капитонова Михаила Кузьмича... Ага... Товарищ Капитонов? Кузьмич? Это я, Райский... Рад, что узнал. Нет, это не у меня «чего», это у тебя «чего». Ты у меня, кажется, лишний грузовичок просил на уборочную? Да есть, есть... роскошный Зис-пятый... да, и водитель имеется... только вот участковый твой – против! Ну, приехал к нам молодой парень с женой – отдохнуть, украли у него документы на переезде, там гадюшник же, сам знаешь... и что же? Как им теперь обратно домой ехать, без денег, без паспортов. А так бы... так бы парень-то, шофер который, у нас бы еще и заработал... уж придумали бы что-нибудь... Что-что?

Федот Степаныч протянул трубку участковому:

– Председатель. С тобой поговорить хочет.

На этот раз вздохнул милиционер:

– Слушаю, Михаил Кузьмич... Никак нет, Михаил Кузьмич! На поруки? Гм... не знаю, не знаю... Парторга подключите? И комсорга? А если у вас водокачку рванут? Или – МТС? Под личную ответственность... И расписку напишете? Что-то? Даже справку...

Подложив трубку, участковый устало махнул рукой и неожиданно улыбнулся:

– Ладно, уговорили. Но запросы все, честь по чести, отправьте. Я как раз приеду – ответы получу.

– Не сомневайся, парторг этим займется, он мужик въед-

ливый.

– Ох, дядько Федот... – участковый причмокнул и махнул рукой. – Ну, что с тобой делать? Уговорил.

– Уговорил, а как же?! Так ведь не ради ж себя стараюсь... А ты, племяшь, слышишь, ты мне из Москвы-то, чего наказывал, привези, не забудь.

– Да уж, не забуду. А ты уж, дядюшка, за этим присмотри!

– Да не журишь, хлопче!

В этот же день все и сладилось, да так быстро, что Родион и глазом не успевал моргнуть! Попрощались с участковым, поехали с директором на бежевой «Победе» – ух, и машина! – к какой-то его родственнице, там, в ее хате, и поселились, то есть поселилась-то Хильда. Родиона Федот Степаныч сразу же забрал с собой, привез на МТС, показал богом забытый трехтонный «ЗИС» и сказал – делай.

– Хорошая машина – проходимый, бензин любой ест, только в надлежащий вид привести осталось.

Чем молодой человек и занялся, памятуя, что на подготовку грузовика к работе ему отвели всего день, до вечера, ну, или, в крайнем случае – до утра. Но с утра – по-любому – на полевой стан! Ничего не поделаешь – засучив рукава, юноша принялся за работу. Да и не таким уж и страшным оказался серый волк – сиречь «ЗиС», при ближайшем рассмотрении – машина как машина, проще пареной репы! Вариант почти военный – с фанерной кабиной, без бампера, с тормозами на одни задние колеса.

Родион уже часам к шести со всем управился, даже съездил – тут, недалече – к речке, помыл грузовик... Ой, стремно было в кабине! Спартанская роскошь – обитая старым дермантином сидушка, баранка да два рычага – переключение передач и ручной тормоз. Приборов – по минимуму, как на старом «Запорожце», и больше, пожалуй, ничего, даже МП-3 магнитолы – и той не имелось, как хочешь, так и ездил. Впрочем, мотор тянул исправно.

А вечером, как стемнело, вернулись шоферы. Поставив машинки, закурили, позубоскалили насчет новичка, кто-то вспомнил о машинке для стрижки волос, мол, есть у него дома немецкая...

– Есть, так съезди, – подойдя, тут же распорядился директор. – Негоже парню с патлами такими ходить, МТС нашу позорить.

– Слышь, Федот Степаныч, мне Родька обещал с радиатором подмогнуть...

– Так подмогнет, коль обещал – а подстричься-то человеку все одно – надо.

Родион, конечно, не очень-то и хотел подстригаться, но понимал – надо, а потому покорно стянул через голову рубашку, подставив под трофейный аппарат голову.

Слава богу, хозяин сего сокровища цирюльником оказался неплохим и провозился недолго, сообразив что-то типа «полубокса»... Родиону, в общем, понравилось – он в армии так же ходил.

– Экий гарный хлопец получился! – заценили шоферы. – Девки на току шеи свернут.

– Да ладно вам, – молодой человек засмутился. – Пойду я, Серому помогу...

– Успеешь помочь – давай-ка сначала познакомимся, парень.

Познакомился. В общем, неплохие ребята на МТС собрались, толковые и к технике прикипевшие, да и – судя по отдельным репликам – выпить далеко не дураки. Правда, не сейчас...

Один тракторист – здоровущий, под два метра, мужик, Евсеем его звали, так прямо и заявил, украдкой оглядываясь на отправившегося в контору директора:

– Вот, Родя, хлеб на элеватор вывезем, аванс получим, а уж потом и познакомимся по-настоящему... по-нашему... в чайной!

– Чай, что ли, пить будем? – улыбнулся Радик.

– Ага... чай... – верзила ухмыльнулся, а стоявшие рядом водители засмеялись, впрочем – не обидно, не зло.

– Все ржете, жеребцы?! – Федот Степаныч, спустившись с конторского крыльца во двор, подошел к боксам, зорко оглядывая машины. – Серега, черт худой!

– Да? – оторвался от радиатора старый – а, вернее сказать – первый – Родькин знакомец...

– Ты куда номер дел, лишенец?

– Да я это...

– Только не говори, что потерял!

– Ну, Федот Степаныч... даже не знаю и где.

– Чтоб завтра же нашел и привинтил. Доложишь!

– Эх, Степаны-ыч...

Махнув рукой, Серега обиженно склонился над радиатором.

Часа полтора они провозились, Серый и его добровольно вызвавшийся помощничек – Родион. Директор, кстати, так домой и не ушел – в конторе допоздна горел свет и слышен был звук печатающей машинки.

– Кури, брат! – закончив работу, оба ремонтника наконец уселись на старую крышку. – А, ты ж не куришь... ну, извини, больше угостить нечем! Разве что... – тут Серый, покосившись на конторское окно, понизил голос. – У меня тетка такую горилку гонит! Закачаешься! Да и вино у нее доброе... Вот, страду закончим – угощу, век помнить будешь.

– Надеюсь, – Родион улыбнулся, глядя на жаркие – или казавшиеся таковыми – звезды.

– Слышь, брат, – помолчав, продолжал собеседник. – А тебе чего к себе на севера-то возвращаться? Оставался бы с супругой у нас, а? Станица у нас, сам видишь, немаленькая, школа есть, семилетка, медпункт, магазин с клубом. По воскресеньям танцы, по пятницам и субботам – кино привозят. Короче – весело.

– Да уж, не заскучаешь, – ухмыльнулся Рад. – Особенно – по воскресеньям.

– Да нет, извини-прости, я серьезно!

В конторе скрипнула дверь:

– Сидите?

– Так сделали уже, Федот Степаныч.

– И номер нашли?

– Ну, Степаныч, ну, ведь сказал уже...

– Помни: номер – на твоей совести, – директор чиркнул спичкой, закурил, едва не опалив усы, и, выпустив дым, поманил рукой Родиона:

– А ну-ка, парень, зайди. Разговор есть.

– Я тебя тут подожду, – шепнул в спину Серега. – Домой пойдем вместе.

– Угу.

Согласно кивнув, молодой человек поднялся по крыльцу в контору – директор уже сидел за письменным столом, повесив пиджак на спинку стула.

– Звали, Федот Степаныч?

– Звал, звал... Садись, Родя. Ты вот что... не знаю, что там у тебя с документами, но по мне – со всяким может случиться. А что ты не лентяй и работать умеешь – я вижу, и это для меня сейчас – главное. Запросы мы тебе спроворим, не сомневайся... ну, пока ответы придут, то, се... участковый вот вернется, кстати – племянш мой. Короче, оформлю я тебя на месяц по срочному договору, вместо другого моего племянника – Вальки. Он, вишь ты, студент, в Ленинграде, в медицинском институте учится – голова! То есть Валька

будет по бумагам числиться, а ты – работать... иначе – как?

– А никак, – согласно кивнул Радик.

– Вот и славно, вот и договорились. Завтра с шести утра – жду. Что заработаешь – все твое, уж в этом без обману. Чай, не прежние времена, трудодни давно отменили, спасибо Лаврентию Палычу.

Берию благодарит – про себя усмехнулся юноша. Интересно, за что только? И – разве трудодни в пятьдесят третьем году отменили? Позже, кажется, при Хрущеве... Или – раньше? В сорок седьмом. Нет, в сорок седьмом не трудодни отменили – карточки. Раньше между прочим, чем в Англии. Там-то до конца пятидесятых бедовали – бомжи бомжами – давились ржавой пайковой селедкой. Да и во Франции ничуть не лучше было – в том же Париже больше половины доходных домов вообще не имели лифта, а туалет – один на этаж. Зато, правда – консьержки – этакая помесь сторожихи, уборщицы и «зоркого полицейского глаза».

– Дом-то теткин запомнил? Доберешься один?

– Да я с Серегой. Покажет.

– Ну и славно. До завтра тогда.

– До завтра.

– Да... ты это, если кто будет спрашивать, говори – мол, к нам по комсомольской путевке. На уборочную страду.

– Хорошо, – обернулся на пороге молодой человек. – Да не переживайте вы так, я ж понятливый.

– Ладно, ладно. Там поглядим.

К дому директорской тетки (если точнее – двоюродной, из тех, что седьмая вода на киселе) Родион с Серым добрались быстро.

Редкие фонари освещали притихшие улицы тусклым оранжевым светом, залиvisto пели в кустах соловьи, а у кого-то за забором лениво забрехал пес.

– Во-он твоей тетки дом, – останавливаясь на углу, показал рукой Серый. – Назавтра до МТС дорогу найдешь?

– Да найду.

– Ну, тогда до завтра. Супруге... привет.

Простившись с Серегой, молодой человек толкнул рукою калитку и, пройдя по неширокой дорожке, постучал в дверь.

– Заходи, заходи, чай, не заперто.

Тетку звали Конкордия Андреевна, и, суди по имени, родилась она при самом настоящем «старом прижиме», даже не николаевском, а – бери дальше – во времена Александра Третьего. В отличие от многих прочих пожилых колхозниц, тетка оказалась грамотной, и даже весьма, всю жизнь проработала в конторе счетоводом, подрабатывала и сейчас, но больше занималась личным подсобным хозяйством – держала кур, уток, а еще имела небольшой огородик с садом. На жизнь хватало, и даже оставалось еще кое-что продать на колхозном рынке, к тому же Конкордия Андреевна, как и многие старики, отличалась... нет, не скупостью, а некоторой прижимистостью, что ли.

Вообще, она Родиону скорее, нравилась – сухонькая востроносенькая старушка, не без определенного юмора.

– А, явился, стахановец? Шти на печи – похлебай, пока жонка твоя в сарае хлопочет.

– В сарае? – удивился юноша.

– Там, там, – старушка махнул рукой. – Я ведь там вам удумала постелить, в холодке, на соломке. И нежарко, и места много, и это... дело-то ведь ваше молодое, знаю – никто вас там не услышит, чего хошь – то и делайте. Да ты садись, садись, милоч, к столу-то... А на гвозде, вишь, на стеночке – гимнастерка да спецовочка – старое все, как раз для работы, племянник завез.

– Вот за это ему спасибо!

– Кушай, кушай, – Конкордия Андреевна налила половником щи. – Хлеб вон, бери, не стесняйся. Мужики говорят – ударно сегодня трудился.

– Еще кое-кому помог.

– Сереге «Простите-извините», что ль? Нашел он свой номер-то?

Родион едва щами не подавился: вот это бабка – все уже знает!

– Не, не нашел. Да и где искать-то?

– Ежели в Чертовом болоте утоп – то и не найдет. Гиблое место.

– Чертово болото? – насторожился молодой человек. – А почему его так прозвали?

– Да давно. Нехорошее место считалось. Люди там в старину пропадали, скот, вещи старинные иногда пацанва находила – кольчуги, щиты... И, знаешь, старые – но... словно вчера сделанные!

– Забавное место.

Родион покивал головой, решив для себя предпринять еще одну попытку прорваться. А что еще было делать? Не тут же сидеть – до возвращения участкового оставалось каких-то десять дней. И за этот срок надобно было... Успеть... Что только? И – самое главное – как?

– А жонка-то у тебя ничего, работающая, справная. Я на нее на эти дни огород да птицу оставлю – сама с утра на рынок, да и в райцентр еще надо съездить.

Жаркие звезды сверкали сквозь щели звонкими бриллиантами. Сладко пахло клевером и пряным сеном. Под тонкой полотняною простыней чуть слышно шуршала солома, кололась, а где-то снаружи, рядом, пел свою ночную песню сверчок.

– Ах, милая...

Родион притянул к себе Хильду, обнял, поцеловал в губы, млея от наслаждения, от осознания того, что эта юная красавица – его законная жена.

Тяжело дыша, молодой человек целовал супругу, лаская невидимую в темноте грудь, руки его, легкие, словно крылья, скользили по всему телу женщины, такой желанной, люби-

мой. Рад совсем позабыл про усталость, ибо сейчас не было больше ничего другого, кроме этих широко распахнутых глаз, приоткрытых губ, томного дыхания...

Вот оба выгнулись, застонали, охваченные неземным счастьем, нахлынувшим вдруг волной, томной, жаркой, темно-голубой – как глаза Хильды...

– Я хочу спросить тебя, Рад...

– Спрашивай...

– Мы сейчас где? В селении твоего прежнего рода?

– Не совсем так, – молодой человек задумался, поглаживая по спине прильнувшую к нему супругу. – Скорее, все эти люди... весь род – они жили еще до меня.

– Ага, – улыбнулась девушка. – Понимаю.

Родион про себя удивился: действительно – понимает? Хотя... есть такие вещи, которые древние люди воспринимали куда проще, нежели современные. Для какого-нибудь профессора... да для любого из двадцать первого века сейчас наступил бы глубокий шок, а Хильда – ничего, словно так и надо. Ну, подумаешь – земли иного родаплемени, где люди живут иначе. Земля большая, и много в ней тайн.

– Ты славная, – Рад чмокнул жену в щеку. – И совершенно не ведаешь страха. Ведь эти маши... самобеглые повозки. Ты даже бровью не повела, когда ехала!

– Потому что я их видела раньше.

– Видела? – молодой человек вздрогнул. – Где?!

– В своих снах. Там я их боялась... здесь – нет. Да помнишь же, я тебе говорила!

– Про сны – да. А про повозки – нет.

– Просто... думала – ты не поверишь. Кто же поверит в такое? И я раньше не верила... до тех пор, пока не повстречала тебя. Ты ведь тоже пришел из снов!

– Как и ты... – нежно обнимая супругу, Родион крепко поцеловал ее в губы.

– Я всегда знала, что сны могут становиться явью, – прошептала девушка. – И никто не ведает, где между ним грань. Ведь так?

– Так.

– Вот потому я ничему и не удивляюсь. Просто принимаю, как есть. Только вот речь... я далеко не все понимаю. И говорю... не так, как здесь. Но я стараюсь! И эта славная женщина, Кон-кор-дья... Мы от кого-то прячемся?

– Почему ты так решила?

– Я вижу. Я чувствую.

– Да, прячемся, милая, – признался молодой человек. – От некоторых из этих людей.

– И долго так будем?

– Десять дней. За это время мы должны уйти.

– Снова через болото? Но тогда нам помогал Влекумер-навий... вынужден был помочь. А кто поможет здесь? И ты ведь сам хотел уйти к своему народу. Позвал меня. Нет, я не упрекаю, но...

– Это не мой род, милая Хильда... Я говорил уже – это те, кто жил до меня.

– Твои предки?

– Хм... можно сказать и так.

– Тогда почему бы не попросить их помочь? Я знаю, христиане не делают так... не должны делать, но... Коль уж так сложилось. Я тоже молю Господа. И мы ведь уйдем, уйдем, куда надо, верно?

– Именно так, моя милая, – Родион нежно погладил жену по плечу. – Уйдем, и будем жить счастливо и долго. И будет у нас много детей.

– Дети – это славно, – расслабленно прошептала девушка... и тут же встрепенулась. – Ты сказал – десять дней. А если не успеем, тогда что?

Юноша вздохнул:

– Боюсь, тогда у нас будут проблемы. Ладно! Завтра осмотрюсь, что тут да как, а уж послезавтра отправлюсь на болото, гляну – что там?

– Я с тобой, можно?

– Съездим, ладно. Вижу, Конкордия тебе одежду дала.

– Да.

Утром Родион встал с первыми петухами, осторожно, стараясь не разбудить Хильду, проскользнул по двору к ручейнику.

– А я-то уж думала будить, – вышла на крыльцо старуха

Конкордия. – Молодец – сам поднялся.

– Петухи разбудили, – смущенно признался юноша.

– Вот и славно. Ну, иди в дом, я там яишню с салом изжарила.

– Спасибо, Конкордия Андреевна.

Наскоро перекусив, Родион поблагодарил хозяйку и вышел на улицу, где – на углу – уже поджидал Серый.

– Как спалось? Как женушка?

– Хорошо все, спасибо.

– Экий ты вежливый, извините-простите, прямо антилегент, а не шоферюга!

– Да ладно тебе... А денек-то какой сегодня!

– Да, дождя точно не будет, – повернув голову, Серега посмотрел на поднимающееся в светлой дымке солнце. – К обеду разжарит будьте-нате. Тебе-то хорошо – у тебя кабина деревянная, в ней не так жарко. А у меня-то железина накалиться, ровно печь. Ничо, перед обедом заедем на речку, купнемся!

До МТС дошли быстро – не так уж тут и далеко было. Комбайнеры в страду ночевали прямо в поле, а вот трактористы с шоферами уже собрались во дворе – ждали директора. Тот не замедлил появиться – тоже пришел пешком, хотя и жил на другом конце станицы, однако ж – в отличие от большинства нынешних российских чинуш – совесть имел и машину («Победу» бежевую) задницу свою возить не гонял, народный бензин экономил.

– Здорово, Степаныч. Что, аванс скоро?

– Как положено, через неделю, – поднявшись на крыльцо, Федот Степаныч строго оглядел шоферов. – Ну, что, орелики? Подходите за раздачей. Та-ак... Ты, Федор – в Заречье, на дальнее поле... и-и-и... у кого у нас «Студебеккер»? У тебя, Микола? Что молчишь? Ты тоже – в Заречье. Остальные все – как обычно – на ток, там комбайнеров заберете да жинок...

– Жинки – это хорошо!

– Ага... только кое-кому за работою их не угнаться. Ладно... Иваныч, что там у тебя со жнейкой?

– К обеду готова будет.

– Хорошо! После обеда займешься трактором.

– Степаныч, нам бы запчастей.

– Председатель после обеда в район собрался – ему и закажем. Только ты подготовь список.

– Сделаем.

– Ну, все тогда. Нечего тут торчать – по машинам!

Выехав на грунтовку вслед за «газоном» Серого, Родион прибавил газку и ходко покатыл седом... так и ехал, пока вдоволь не наглотался пыли, а тогда уж чуть поотстал, едва не пропустив поворотку на ток, хорошо, кто-то позади посигналил.

На току, под кумачовым лозунгом «Планы партии – планы народа», уже ждали колхозницы, женщины и совсем мо-

лодые девахи – как говорил Серега – «гарны дивчины».

Весело ждали, с шутками-прибаутками, с песнями. Так же весело забрались в кузов...

– Ой, Сережка, а у вас что, новый шофер? Молоденький какой... симпатишный... Ой, гляньте-ко, покраснел – стесняется! А как вас, молодой человек, звать? Родион? Прямо, как маршала Малиновского! Ну, что, маршал – поехали! Девки, запевай! Эх, хорошо в стране советской жить...

Работа оказалась несложной, но нудной – подъехать к комбайну, подставить кузовом, потом привезти зерно через весовую на ток – там в кузов забирались девчонки с деревянными лопатами, разгружали, и снова в поле, а потом опять на ток, и так – все время.

После пары-тройки рейсов Рад знал уже – чувствовал! – каждую выбоину, где надо – притормаживал, прокатывал мягко. Оно конечно, у ЗИС-5 подвеска не та, что у «газона», однако молодой человек приноровился уже – просыпал зерна все меньше и меньше, так что в очереди на весовую даже удостоился похвалы от кого-то у старших коллег:

– А ты молодец, парень – дорогу на лету схватываешь.

Обедали здесь же, на току, под лозунгом, под навесом – рядом уже вовсю дымила полевая кухня. Густой борщ с чесноком и старым салом, на второе – котлеты с макаронами, плюс компот – обед смолотили быстро, без особых разговоров, без шуточек – некогда было, в страду каждая минута –

на вес золота. Что и говорить – так упарились, забыли перед обедом и к речке съездить, да что там – забыли, времени не было!

– Ниче, Родька! – выходя из-за стола, хлопнул по плечу Серый. – Уборочную закончим – такие гулянки закатим, ох! Извините-простите!

– Вот-вот, – одобрительно загудели шоферы. – Некоторые молодые тогда и проставятся. А то как же?!

А солнце уже сделалось белым, и в кабине – даже в деревянной, зисовской – было, словно в бане, и пот стекал по лобу, и липла к плечам майка, а на зубах скрипела въедливая дорожная пыль.

Не так-то просто наполнялись закрома Родины!

Но Радик нравилось, нравилось крутить баранку, шутить на току с девчонками, ощущая запах только что сжатого хлеба. Да уж, шоферы – это не какие-нибудь драные воюги-олигархи или чиновнички-взяточники! Настоящие мужики, на которых земля держится. В эти вот времена как раз таких работяг и уважали, в отличие от конторских... Ну, какой мужик в контору пойдет бухгалтером?! Разве что старик или больной. Молодому-то парню на конторском стуле сидеть – позор, вовек не отмоешься, да и какая девка за него замуж пойдет? Никакая. И это было – правильно.

Где-то после полудня – часа в четыре – Радик вслед за Серым завернул на ток – наскоро попить чаю.

У весовой стояла бежевая «Победа» Степаныча, сам же директор, подойдя к ЗИСу, похлопал грузовик по капоту:

– Ну, как машина?

– Ничего, Федот Степаныч, – вытерев губы ладонью, улыбнулся Рад. – Тянет.

– Я вижу, что тянет. В общем так, до вечера я за тебя поезжу...

Молодой человек удивленно моргнул.

– Да-да, – ухмыльнулся директор. – Чего глазами хлопаешь? У председателя колхоза «виллис» его чертов сломался... когда еще ему говорил, чтоб на «газик» сменял. Теперь вот звонил только что, машину просил – в райцентр, вишь, ему надо. А мне, между прочим, некогда – у меня народный контроль вот-вот. Так что, Родион, бери «Победу» и гони к председателю – в город поедешь. У него-то шофер – тот еще прощелыга, машину ему доверить – ни в жисть, а вот тебе... – Федот Степаныч неожиданно улыбнулся. – Только надо заехать сперва домой – сполоснуться. Но, ты не думай – у Кузьмича в райцентре дел много, вернетесь вы к ночи, а может, и за полночь, но утром, чтоб как штык – на работу, усек!

– Усек, – Рад скосил глаза на «Победу» – машинка была, конечно, классная!

– Ну, тогда давай – поезжай... Да не торопись, чай-то допей, не горит же.

Махнув рукой, директор бросил на лавку пиджак и за-

брался в прокаленную солнцем кабину ЗИСа.

– Да, не повезло тебе, – искренне посочувствовал Серый. – С председателем-то намаешься. И туда ему надо, и туда, и еще, черт-те, знает, куда. Я вон, зимой с ним ездил – все на свете проклял. Ты легковыми-то управлял?

– «Победой» – нет, – честно признался Радик.

– Ну, ничего там сложного, но... Пошли, покажу.

Вдвоем они забрались в салон, уселись на передний диван, именно что диван, а не сиденье – широкий, обитый кожей... или, скорее, кожзаменителем, но все равно – шикарно! Рычаг переключения передач в этой модели располагался на руле – как у какого-нибудь «американца».

– Вот, смотри, – со знанием дела объяснял Серега. – Первую передачку ты всегда с треском включишь, если сразу, а, чтоб мягонько – сначала включи вторую, а потом – оп – двойной выжим – и рычажок вниз – на себя – снова вниз – первая! Простите-извините – никакого шума и треска. Спокойненько тронулся... А в городе – там и со второй можно запросто. Смекнул?

– Да смекнул, смекнул – спасибо.

– А вот этот рычажок видишь? Указатель поворотов, во! Руку в окно не надо высовывать, чтоб сигналы подать. Ну, все... утром встретимся.

Выскочив из кабины, Серый захлопнул дверь, и Родион запустил двигатель, затем осторожненько – как только что показывали – врубил вторую передачку... тут же переключо-

чился на первую... тронулся... выехав на дорогу, прибавил газку... Мотор работал мощно, уверенно и тянул – дай боже! Увлечшись, молодой человек едва не проскочил поворот к дому тетки Конкордии. А, уже подъехав, нажал на сигнал...

Возившаяся в огороде Хильда подняла голову... улыбнулась, побежала навстречу.

– Это у тебя теперь вместо коня?

– Можно сказать и так, – стягивая через голову майку, улыбнулся Радик. – А ну-ка, полей водицы... во-он корец возьми... Ага... так... ух, хорошо! Там, в сарае, кажется, старую рубаху видел, должна бы впору быть. Ладно, побежал, некогда.

Чмокнув супругу в щеку, молодой человек быстрым шагом вернулся к машине и, открыв дверцу, обернулся, помаhal рукой.

Председатель колхоза «Светлый путь» Михаил Кузьмич Капитонов – грузный мужчина в синем бостоновом костюме и белой полотняной кепке – уже нетерпеливо прохаживался возле правления, у стендов с портретами передовиков и идеологически выверенными плакатами, типа «Колхозник! Береги народное добро!». В левой руке председатель держал объемистый портфель дивной светло-коричневой кожи, а в правой – носовой платок, которым томно обмахивался, время от времени вытирая стекавшие по лбу крупные капли пота.

– А, явился... – устроившись на переднем сиденье, Михаил Кузьмич протянул руку. – Ну, здоров... Чего-то я тебе не припомню? Новенький, что ли? А-а-а, тот, о котором... Ну, едем, едем.

Родион послушно тронул машину.

– Ты, хлопче, не переживай насчет документов да денег, – открыв форточку, шумно вздохнул председатель. – Бывает. Вон, по амнистии много всякой шантрапы выпустили... не блатных, нет, а так, шпанят приклатненных, вот и озоруют, сволочи. Ничо! Скоро их всех припррем, не сомневайся. Ты про поправки к уголовному кодексу слыхал?

– Не слыхал.

– Эх, молодежь, молодежь – во всех же газетах пишут! Теперь три раза по мелкому хулиганству попался – все! За решеточку угодил. Я считаю – правильно. А мелкое хулиганство у нас что? А поскандалил с кем-нибудь в общественном месте, прохожих обругал грубо – вот вам и все. И правильно... Радио-то у Степаныча работает? О!

Протянув руку к панели, Михаил Кузьмич покрутил какую-то ручку... заиграла музыка... оперная, что ли...

МП-3-магнитола, оказывается, тут имелась, просто Родион не обратил внимания. Ну, не МП-3, а что-то вроде – одно радио, но и то по этим временам – роскошь. В машине – и радио! Барство какое-то прямо.

Опера, похоже, председателю не понравилась – он еще половил волн, попалося какое-то утробное «вооруженные

решениями партийного съезда, трудящиеся Лаоса показали стойкость и мужество...» – после чего Михаил Кузьмич вырубил радио напрочь.

– Ну, ничего интересного! Нет, чтобы песни какие-нибудь передали... Шуме-е-ел камы-ы-ыш... А, ну-ка, Белград посмотрим... Тут должно ловить!

Опять щелчок... и – музыка... на этот раз, слава богу, не опера, а... рок-н-ролл какой-то! Определенно рок-н-ролл! Би-боп-а-лу-ла... пам-пам-пам...

Дальше председатель не слушал, плюнул в форточку да вырубил звук. А Родион удивился – надо же, Белград рок-н-ролла передает!

– А Степаныч тебя хвалит, – вытерев шею платком, добродушно произнес Михаил Кузьмич. – Говорит – работающий и технику знаешь. Значит, не зря мы участкового уговорили. Что ж, нам шофера нужны – страда, сам понимаешь! Раньше-то бывало и студентов на помощь пригонят, и солдатусшек, а теперь – на пленуме сказано, от этого отходить, самим хозяйствовать – «прибыльно, рачительно и разумно». Ну, оно и правильно, если вдуматься – каждый своим делом заниматься должен. А с другой стороны – где ж МТС в страду столько шоферов найдет? Тем более, колхозов-то у нас – наш вот, «Светлый путь», да в Климовке – имени Тельмана, еще «Луч Ильича», и имени Восемнадцатого партсъезда! Четыре колхоза на МТС! Ну. Степаныч, ничего, молодец, справляется.

Председатель еще много чего говорил все в том же духе, Родион его и не слушал, погружившись в свои мысли – было ведь, о чем подумать. До возвращения участкового осталось десять дней... нет, уже девять, а там... Там – разоблачат, как шпионов. Неминуемо разоблачат, и что дальше? Тюрьма, лагеря? Именно так все и будет, если вовремя ноги не сделать. Болото! Обязательно завтра же съездить... даже и повод не надо придумывать – другу Сереге номер помочь поискать.

– Во-он у того здания тормозни!

Черт! И не заметил, как приехали уже. Город! Нет, скорее – окраина. Железнодорожные пути, пакгаузы, склады... Лозунг – белым по красному – ну, а как же без этого?

«Товарищи, повышайте производительность труда!»

– Тут пока жди, в тенечке, – выбравшись из салона, председатель прихватил портфель и скрылся за дверью какой-то конторы.

Родион тоже вышел, походил вокруг машины, покосился на стоявший неподалеку синий четырехсотый «Москвич», жутко похожий на «Опель», протер стекла тряпкой, потом, распахнув двери – все ж хоть какой-то сквозняк, включил радио – рок-н-роллы послушать.

Ага, рок-н-роллы... Снова какая-то опера... Заунывные песни народностей... Бормотание... Новости. Ну, от нечего делать, можно и новости послушать.

– Прр... шшш... Георгий Максимилианович Маленков и первый заместитель председателя Совета министров СССР,

министр внутренних дел товарищ Лаврентий Павлович Берия по приглашению федерального канцлера Аденауэра посетили первый съезд христианских демократов Объединенной Германии... шшш... прр...

Что такое?

Молодой человек дернул шеей. Послышалось, что ли? Какая в эти времена Объединенная Германия?! Есть ФРГ – обычная, буржуазная, и ГДР, где социализм строят.

А может, со временем ошибочка вышла, может, никакие сейчас не пятидесятые... Нет, точно – слышалось. Да и на солнышке перегрелся – бывает.

Или...

Сидевший в «Москвиче» водитель – пожилой лысоватый дядечка – увлечено читал газету... вот отложил.

– Товарищ... Вы газеточку почитать не дадите? – подскочив, вежливо попросил Радик.

– Газету? А, пожалуйста, бери. Только это – вчерашняя.

– Спасибо большое.

Вчерашняя...

От 3-го августа 1958 года!!!

И – на первой полосе, рядом с Маленковым – улыбающийся Берия! Который еще лет пять назад расстрелян как вредитель и английский шпион!

Глава 2

Август 1958 года.

Колхоз «Светлый путь»

Стрелы

Нет, а что дальше-то? Что еще-то в газетах пишут?

«Товарищ Г. М. Маленков на съезде колхозников-ударников», «Выступления тов. Л. П. Берии на торжественном заседании генеральной прокуратуры», «...на встрече со студентами МГУ» Надо же! Хорошо расстрелянный – со студентами встречается, на торжественных заседаниях выступает...

Снова Маленков, на этот раз – среди пионеров. А вот – он же – с Иосифом Броз-Тито. И рядом – опять же – Берия!

«Нормализация отношения с СФРЮ». Однако... А с Китаем, интересно, как?

А не рассорились! Вон заголовок – «Русский и китаец – братья навек!». Визит маршала Булганина в КНР. Совместные маневры.

Позвольте, позвольте... а где же Хрущев? Куда же запропастился харизматичный и по-детски непосредственный советский лидер? Который, судя по всему – и не лидер вовсе. А вот он... на второй странице – «Н. С. Хрущев выступает на партхозактиве МГК Москвы». Что-то слабовато для ли-

дера... Маленков тут везде... И Берия! Берия здесь, Берия там... Выступает... И что говорит? А вот что...

«... постоянно совершенствовать социалистическую законность, расследовать уголовные дела непредвзято»... кто бы спорил? «Постепенно перевести все фабрики и заводы на хозрасчет», «смелей выдвигать национальные кадры», «не теряя бдительности, изжить наконец шпиноманию, которая очень часто мешает реальному делу», «поднять на новый уровень нефтяную промышленность Закавказья»...

И ни слова – о врагах народа, о вредителях, шпионах!

Это не то время!!!

Снова поползли по лбу капли пота... только на этот раз вовсе не от жары.

Это время – вовсе не прошлое той России, в которой родился и жил Родион! Это какое-то свое, параллельное, время, совершенно иной мир, где Берия – вовсе не расстрелян и никакой не подлец, а в общем-то, вполне вменяемый лидер, зам Маленкова, ну, Маленков сам по себе – не фигура. Фигура – Берия! Свершено иной Берия, не тот, которого знал по гнусным перестроечным статейкам убогий российский обыватель... другой... Настоящий!

И партия, КПСС, похоже, ничего уже в стране не решает. Все – Совет министров – правительство. И еще – вон, ниже – Съезд народных депутатов.

Совершенно иной мир! И СССР в нем – иной. Уже свободный от многих жупелов и, если так можно сказать, – мно-

гообещающий.

То-то участковый... То-то с документами так просто прошло! Да уж – от подозрительности избавились. Не все, правда, но...

– Что, зачитался? – вернувшийся председатель грузно уселся на сиденье. – Трогай, в мастерские поедем.

Они обернулись быстро, вернулись в станицу не к утру – к двенадцати. Оставив машину во дворе МТС, Родион пришел домой в самых противоречивых чувствах. Даже есть не хотелось, и усталости никакой не чувствовал... даже не обратил внимание на необычно взволнованную хозяйку.

– Слышь, чего говорю-то?! – нарезая хлеб, повторила Конкордия Андреевна. – Лида, жонка-то твоя, приболела.

– Что?! – наконец-то врубился Рад. – Как так – приболела? Где она?

– Да сиди, сиди... я ей тут, в комнате, постелила – спит! А вечером-то у ней из носу кровь пошла... бывает.

Господи... Только этого еще не хватало!

Кровь!

– Ты уж один пока в сарайчике поспи...

– Так, может, врач?! Врача вызвать.

– Приходила уж фельдшарица. Сказала – покой. А давление у нее, жинки твоей, нормальное и температуры нет – это уж точно, век свободы не видать! Только что-то бледная вся лебедушка сделалась, как вот, полотно.

И все же, несмотря на недомогание, проснулась Хильда рано, зашла в сарай, пошатнулась, едва не упав. Родион подхватил жену на руки:

– Да что ж с тобой такое, милая?

– Сама не знаю, – голос девушки казался бесцветным и слабым. – словно бы что-то сдавило грудь. И в глазах померкло. Я прилягу на солому, ладно?

– Иди лучше в дом... нет, я тебе отнесу.

– Пустое... Ты обо мне не беспокойся, милый. Ничего! И не через такие беды проходила.

Болото... Срочно проверить болото. Ведь наверняка можно, можно как-то уйти. Черт... еще и болезнь эта. Не было печали.

Болото. Ведь жрец Влекумер их как-то отправил... как теперь выяснилось – не туда. Но ведь отправил же! Волхвовал да заклинанье какое-то произносил... знать бы – какое? И что не спросил, не поинтересовался? Некогда было... Вот так всю жизнь – некогда! Живем себе, как трава растет, все вроде бы чем-то заняты, чем-то таким важным, без чего, кажется, и жить-то нельзя, а на поверку, если присмотреться, остановиться, оглянуться назад – все это якобы важное более таковым уже и не кажется, наоборот даже. То важно, чего когда-то и не замечали вовсе.

– Как вчера съездили? Запчасти привезли? – первое, что

спросил Степаныч.

– Да привезли – едва в машину влезли. Надо было на грузовике ехать...

– И съездили бы, да сам знаешь каждый грузовик сейчас на счету. Ладно, хватит болтать, всем – в поле.

В поле, так в поле – куда же еще-то? Родиону нравилось, хоть и тяжело было – нет лучше и благородней труда, чем труд хлебороба! Это не в конторе бумажную пыль глотать.

На току народу прибавилось, не только девчонки, но и парни, подростки из местной школы, видать – на практику. Дела спорились, машины разгружали быстро.

– Эй, Радик, кваску холодного хочешь?

Это Валька все – девка разбитная, справная. Ишь, как глазом васильковым косит, а грудь, грудь-то под платишком ситцевым так и ходит.

Тьфу ты... И куда только глаза смотрят?

О другом думать надобно.

Ближе к обеду Родион все ж таки улучил момент, подошел на весовой к Сереге:

– Слышь, Серый, номер-то как, отыскал?

– Да, извините-простите – фиг! – раздраженно отмахнулся приятель. – Вчера весь обед в сухомятку – на болотине этой чуть ли не брюхом проползал. Нету нигде номера – как корова языком. Видать, в трясину затянуло, теперь уж не сыщешь. А Степаныч, вишь ты, косится... ох, чую, грядет скоро расплата!

– Каким ты высоким штилем выразаться стал! Ничего, голову-то не срубят, не те времена.

– Это уж точно – не те! – Серега неожиданно повеселел и согласно тряхнул чубом.

– А я сегодня с тобой хотел на болотину съездить, помочь поискать.

– Да ну его, этот номер, к ляду!

– Ты же в самую-то трясику не заезжал... не мог он в трясику-то улететь, не на крыльях. Вместе-то искать веселее. А хлеба бы на току взяли, да сала.

– Да есть у меня и хлеб, и сало! И картошка найдется, и помидорчики... – Парень задумался и, махнув рукой, весело подмигнул. – А, ладно, Родька, поехали! И впрямь – вдвоем-то куда веселее.

Так и сделали, предупредив бригадира, вместо обеда рванули к болоту – по шоссе, потом по грунтовке, по перелеску.

Остановились, приткнули машинки рядом – ЗИС-5 к «газону».

Серега хлопнул дверью, усмехнулся:

– Видел бы нас кто со стороны, сказал бы – ну, точно горилку пить собрались. По-шоферски – дверь в дверь.

– Ла-адно... Ты по той сторонке иди, а я – по этой. В камышах повнимательнее смотри.

– Да смотрел уж.

Ничего интересного осмотр трясины не дал. Номер, конечно, не нашли – да и не могли бы. Родион когда еще его у

Влекумера-жреца видел. Интересно, зачем волхву номер? На телегу себе приладить собрался, чтоб гаишники не оштрафовали? А зачем сороке или галке брильянты? Затем и жрецу номер – так просто, вещь непонятная, авось, на амулет потянет.

Нет, не ради номера Радик сюда приехал, но... ничего такого-этакого на болотине не было! Трясина, как трясина – даже сейчас, в жару, опасная, особо не высохшая и тянущаяся, наверное, на километр, а то и больше. А вокруг – лесостепь, ручей журчащий, овраги – в них травы в пояс нескошенные, деревца чахлые. Одно слово – неудобь, ни ягод, ни грибов нет.

– Ого – следы, глянь-ка! Мотоциклетные.

– Ха! Удивил – сюда многие заезжают – машины помыть.

– Серый, а ты говорил, тут вещи старинные находили?

– Да пацанва! Я и сам. Когда мелким был, сюда, на овраги, в войнушку играть захаживал. Ой, мать ругалась!

– А что такое?

– Ась?

– Спрашиваю, чего ругалась-то?

– Да больно уж далеко от станицы, да и трясина... сколько коров поглотила – и вспомнить страшно. Да и людей. У нас ведь тут того, пропадали.

– А новые не появлялись?

– Чего-чего?

– Ну, раз одни пропадали, то, может быть, вместо них дру-

гие объявлялись. Ну, чужие.

– Не-а, – усевшись на кочку, рассмеялся Серега. – Никаких других не было. Окромя вот, тебя с супругой. На, держи лук, сейчас сало отрежу... Ты давай, садись, хватит там шастать.

Родион тоже засмеялся: вдруг привиделся, как наяву, жрец Влекумер – страшный, морщинистый, с ожерельем из змеиных голов... и гаечным ключом на десять – номер у раззявы-шофера отвинчивал! Вот он, вредитель-то, вот он – двурушник и наймит! Одно слово – жрец, навий. Явно не социалистического настроения товарищ, нет! И куда только участковый смотрит? Да-а... а чем черт не шутит, может, Влекумер тоже пробирался сюда, в этот вот мир? Раз уж сумел их с Хильдой отправить. Кто знает? Может, и так? А раз так, то...

– Эй! Ты чего ржешь-то?

– Не обижайся. А сало у тебя вкусное, ум-м!

– Еще б! Матушка засаливала. Эх, хорошо сидим, Радька... еще б горилки! Ничо, вот страду закончим, я тебе скажу, у кого лучше горилку брать для проставы.

– Ага, вот вернется участковый, да скажет, что я – американский шпион.

– А ты что, американский язык знаешь?

– Американский?! Н-нет.

– Ну, вот. Какой же тогда ты шпион? А участкового не бойся, он то будет делать, что ему Кузьмич со Степанычем скажут. А ты у них пока в передовиках. Так и держись! Да и

вообще, в колхозе у нас оставайся, не всегда тут такой аврал, бывает и весело. Увидишь еще. Ух, завалим с тобой в клуб на танцы... извините-простите!

– Водички ты не прихватил?

– Прихватил. Лови фляжку.

– Хороша... Серый, ты говорил, будто тут ребятишки играют?

– Да сейчас уже меньше – велосипеды у них теперь, в школе кружки всякие, в клуб кино каждую неделю привозят – зачем им сюда шляться? Теперь редко кто. А что ты спросил-то?

– Думаю, а может, кто из ребят номер твой отыскал?

– Хм... – Серега сдвинул на затылок кепку и покачал головой. – Не, это навряд ли. Нашли б, так на МТС приволокли... хотя могли и не приволочь, кто их знает? А ты, Радь, хорошую идею подал! Обязательно у пацанвы спрошу.

– Еще спроси – не видали ль они тут кого-нибудь? Номер-то твой могли и жестянщику сдать. Есть такие люди – собирают всякую дрянь.

– Знаю – старьевщики. До войны все в городах ходили, «ста-арье-берем!», а с войны – где их только нету. Эти – точно могли. Эх, коли так, плакал мой номер.

– Ничего, другой получишь... или этот можно восстановить.

– Да можно. Прости-извини, обидно только, когда тебя ни за что ни про что растяпой кличут!

Родион поспешно спрятал улыбку – да уж, действительно – «ни за что, ни про что».

– С Митькой Стрелой поговорю, я его сегодня у нас на току видел, – поднявшись на ноги, Серега выбросил мусор в кусты и тщательно вымыл руки в болотной – с темной торфяной водицей – луже.

– Что за Митька Стрела? – насторожился Радик.

– Да есть тут один... Тоже вот, года два назад все сюда, на болотину да в овраги хаживал – целая шобла у них была, в повстанцев играли. Так его тогда стрелой и пронзило, в руку, в предплечье – навывлет. И, что интересно – стрела-то чужая, не наша. Лапиков всех пацанов к себе перетягал на дознание – молчали, как проклятые. Мол, извините-простите, дяденька участковый, а только не знаем мы, чья стрела, откель прилетела! Не мы стреляли – и все тут! Главное – и раненый-то, Митька, тоже ничего толком не смог показать. Так, с той поры Стрелой его и прозвали.

– Но ты у него спроси.

– Спрошу, конечно.

Митьку Стрелу Родион вызвал на беседу, проявив хитрость. Уже в конце рабочего дня подкатив на ток, заглушил двигатель, капот откинул – у ЗИСа движок с боковин открывался. Постоял, делая вид, что копается – сам же скинул ремень... обернулся – как раз с тока все к навесу шли, к лозунгам – итоги дня подводить, комсорг школьной бригады- как

бишь его? – уже на картофельный ящик взобрался.

– Ну, что ж, я думаю, начнем, товарищи комсомольцы... ну и несоюзная молодежь тоже к нам присоединится. Итак... Сначала о текущем моменте...

– Эй, – Радик ухватил за руку пробежавшую мимо припозднившуюся девчонку. – Митька Стрела – который?

– А вон, слева, темненький, в майке линялой.

– Да вы тут все в линялых майках... Тот высокий, да?

– Да, да, длинный.

Чуть выждав, молодой человек подошел ближе...

– Эй, пацан.

Митька Стрела обернулся, жигнул глазами.

– Движок немножко чиню. Ремень поддержишь? – ухмыльнулся Радик.

Еще бы!!!

Техника для пацана – первое дело!

– Ага... Конечно же поддержку, идемте...

– Вон тут вставай, смелее... Ага... держи теперь... Молоток... та-ак... Тебя, кстати, Серега-шофер искал чего-то.

– Нашел уже. Не видал я его номера, честное комсомольское, не видал! А видал бы – на МТС отнес бы сразу, я ведь не какой-нибудь.

– Хорошо, хорошо, верю. А никого, случайно, на болотине той не видел. Ну, типа – не пацанов, а взрослых.

– Не, не видел. Да я и не хожу уж туда давно – вырос, игрищами детскими не балую.

– Быва-алый. Сейчас крепче держи... Так-так никого и не видал? А раньше?

– Да и раньше. Хотя...

Так!

Родион насторожился:

– Ну, давай, давай, рассказывай – интересно просто.

– Так я уж и рассказывал вот, участковому нашему, и ребятам. Ну, когда про стрелу. Из болота она прилетел – с самой середины, ну, будто из воздуха.

– Там же трясина непроходимая!

Парнишка вздохнул:

– Вот и я про то. А еще я там бабку видел, как раз тогда и видел... только она ж в меня стрелой – никак не могла!

– Что за бабка?

– Старая, не с нашей станицы, она часто травы всякие собирает... – Митька вдруг замолк, так, что стал хорошо слышен напористый голос комсорга, а потом продолжил уже куда тише: – Я, конечно, комсомолец, в Бога и всякую чертовщину не верю, но... Про бабку ту говорят, будто она колдунья.

– Колдунья? Защелку тут поддержи... Все, отпускаяй.

– Ну, говорят так.

Мальчишка уже явно тяготился беседой, и Радик махнул рукой:

– Ладно, спасибо за помощь.

– Не за что!

– Как хоть эту колдунью зовут.

– Да не знаю я. Из соседней станицы она, из Красноперовки. Колхоз имени Тельмана.

«Несоюзная молодежь» – по пути домой Родиону вспомнилась эта корявая фраза, может быть, потому что он сам и был сейчас «несоюзным». Да и вообще, все гендерные термины, по его разумению, выглядели довольно абстрактно, так же, как и понятие «классы». Вот, что общего между четырнадцатилетним ребенком, полностью зависящим от родителей, и двадцатисемилетним кандидатом наук? Абсолютно ничего! А их обоих обзывают одним словом – «молодежь». Зачем вообще это слово? Запутать все?

Несмотря на позднее время, в доме бабки Конкордии горел свет, сквозь неплотно закрытую дверь падал на посыпанную песком дорожку тоненький светлый лучик. Слышались голоса – в доме явно кто-то был, не с Хильдой же разговаривала хозяйка...

Кашлянув, молодой человек толкнул дверь и застыл на пороге – в нос ударил сильный запах лекарств. Пахло нашатырным спиртом, карболкой, йодом, еще чем-то таким специфическим, медицинским и вызывающим у обычного человека стойкую неприязнь.

– Здравствуйте, Агриппина Петровна, – войдя, Родион кивнул фельдшеру – не первой молодости женщине с завитыми в «мелкий бес» волосами и губками-бантиками, накра-

шенными помадой такого насыщенного ярко-красного цвета, которому позавидовал бы и Матисс. Назвать бы эту помаду «кровь коммунара» – отличный бы вышел товарный бренд!

Спрятав неуместную улыбку, юноша осторожно присел на табурет и тихо спросил:

– Опять?

– Ох, милай, – покачала головой Конкордия Андреевна. – Опять женушке твоей плохо стало – едва не упала. Она у тебя не беременна часом, а?

– Нет, не беременна, – аккуратно складывая в жестяной чемоданчик с красным крестом шприц и лекарства, отозвалась фельдшерица. – Очень сильная дистония, только вот в толк не возьму – с чего? Ей бы в город, к доктору. Давайте, направление выпишу.

– Так ведь документов-то у них нету, украли, – снова посоветовала хозяйка. – А без документов как же ты выпишешь, Агриппина?

– Да, без документов никак. Ей молоко нужно пить, парное.

– Молоко сыщем, у Авдотьи, соседки, коровенка есть и коза. Какое лучше-то?

– Тогда уж лучше козье. И, как отлежится чуть, пусть на воздухе больше будет.

– Она и так, почитай, все время на воздухе.

Провожая фельдшера, Родион вышел на крыльцо, посто-

ял... Вздохнул – Хильда опять спала в доме.

– Да не переживай ты так, хлопче, – сквозь открытую дверь посочувствовала Конкордия. – Давай-ка вот лучше по рюмашке хлопнем. Да не бойся, на работу не проспидь! Разбужу, век свободы не видать, как муж мой, покойничек, выражался.

– А, – подумав, юноша махнул рукой. – Давайте.

Уселся за стол, чокнулся с бабкой. Намахнул, черствым хлебцем занюхал, пригорюнился:

– Дни напролет ее не вижу. Ухожу – в рань, прихожу в темень.

– Да, к доктору б жинке твоей не мешало. Ну, здесь-то уж недолго вам. Поди, у себя там покажетесь. А молочка мы найдем, не сомневайся – отпоим. Ну, еще по одной.

Родион молча кивнул и, снова выпив, спросил:

– А вот, говорят, в колхозе имени Тельмана одна бабка есть...

– А-а-а! – Конкордия вдруг всплеснула руками. – Вон ты про кого! Да, есть такая – Селестиной зовут, а иные... – здесь хозяйка понизила голос, – ...еще добавляют – ведьма!

– Что, правда – ведьма?

– Ведьма не ведьма, а травы да заговоры знает. Господи, и что ж это я, дура старая, сразу-то про нее не вспомнила? Она и живет тут, недалеко, в Красноперовке, Селестина-то, последняя околицы хата, многие стороной обходят – боятся, как же – колдунья! И чего только не говорят!

– А что говорят? – живо заинтересовался Радик.

– Да разное, – собеседница отмахнулась и, зачем-то оглянувшись, посмотрела в окно. Видать, колдовская тема была ей не очень-то приятна.

– Все, спать пора, поздно уж.

Молодой человек хитро прищурился:

– И что, даже по третьей не выпьем?

Конечно, выпили – уж не отказала бабка. А под это дело и все деревенские сплетни поведала – о том, кого ведьма Селестина заговорила, кому приворотное зелье дала, а от кого, наоборот, мужиков отвадила.

– А еще соседка моя, бабка Авдотья, видала, как ведовка на метле летала. Летала, летала, век свободы не видать! Вылетела, мол, через трубу – вжик!

– На метле?

– Ну, это, поди, врет Авдотья-то. Зачем Селестине на метле ездить, у нее и так транспорт есть дюже быстрый. Ладно, схожу завтра к ней.

Эту ночь, упросив бабку, молодой человек провел возле любимой – спал на полу, прислушиваясь к дыханию супруги, слабому, едва слышному. Ну, так и правильно, с чего бы это юной женщине дышать, как паровоз? Нет, бывают, конечно, случаи...

Рано утром, осторожно поцеловав спящую, Родион ушел на работу, на обед же, уведомив бригадира, заехал домой –

проведать Хильду. Та все так и лежала, бледная, как выбеленный на солнце холст, и, похоже, не просыпалась.

– Да нет, вставала уже, – шепотом пояснила хозяйка. – Только не ела ничего, даже чаю не попила. Ничего, ничего – вот прямо сейчас и схожу к Селестине.

– Так давайте, я вас подвезу – быстрее будет.

– А вот от этого не откажусь. Уж, сделай милость. Хоть и не далеко, а все ж...

Расположенная на окраине станицы выбеленная хата бабки Селестины ничем не напоминал жилище ведьмы, скорее даже наоборот – чистенькая выбеленная хата с синими ставнями, вишневый садик с беседкою, антенна на крыше.

– Это что же, колдунья телевизор смотрит? – искренне удивился Рад.

– А что ж ты думал? Она у нас вообще личность известная. Ладно, пошла...

– Тетушка Конкордия, а вы б с ней на поздний вечер договорились, а? Ну, чтоб и я при том присутствовал.

– Попробую, – обернувшись, кивнула хозяйка. – Сам понимаешь, не от моего хотения зависит тут. Как Селестина – сможет ли? Да и вообще – вдруг откажет? Ладно, ладно, не журишь, хлопче! Уж мне-то отказать не должна, как-никак, когда-то вместе в конторе работали.

Весь день для Родиона прошел, словно в тумане, руки словно сами собой держались за раскалившийся от зноя

руль, сами собой двигали рычаги, дорога казалась желтой туманной рекой, а встречные машины – вынырнувшими из того же тумана мороками. Молодой человек едва дождался вечера и, тут же поставив машину, смылся домой, проигнорировав очередное собрание. Хотя комсорг и зазывал «несоюзную молодежь», и очень даже настойчиво.

Еще издали молодой человек заметил струящийся в саду свет – тетка Конкордия ввернула-таки над крыльцом электролампочку, видать – для-ради визита ведьмы. Сговорилась все-таки.

Впрочем... Радик даже присвистнул от удивления: на обочине, возле калитки, тускло поблескивал мотоцикл – тяжелый трофейный BMW!

Участковый?!

Раньше срока явился?

Если так – надо выручать Хильду, вообще – что-то срочно придумывать надо.

Осторожно подкравшись к дому, юноша заглянул в окно... И увидел сидевшую за столом Хильду. Юная женщина выглядела, конечно, осунувшейся, но, как ни странно – веселой. И глаза ее – темно-голубые, как бездонное море, как океан, глаза – сияли!

Ну, не от встречи же с участковым уполномоченным?

Больше не думая, Родион взбежал по крыльцу.

– О! – обернулась сидевшая за столом тетка Конкордия. – А вот и муженек твой явился – не запылится. Ну, садись,

садись, погляди на женушку. Ишь, как лучится вся!

– Это вы чего тут, в карты играете? – молодой человек только сейчас заметил лежащую на столе колоду и игральные карты в руках тетки Конкордии, Хильды и... и еще какой-то женщины, худощавой, седой, в старорежимном пенсне на длинном тонком носу... между прочим – в брючном костюме!

– Не бойся, не на деньги, на щелбаны! – засмеялась хозяйка. – Вот, знакомься, это – Селестина Ива новна.

– Здравсьте, – озадаченно моргнул Родион.

– Бон суар, – ведьма почему-то поздоровалась по-французки и, поправив пенсе, пригласила: – Садитесь, молодой человек, с нами играть. Прошу, сить ву пле!

Взяв стоявший у стены колченогий стул, юноша уселся возле супруги и, не удержался, чмокнул любимую в щеку. А, похоже, ведьму-то не зря позвали! Ишь как Хильда-то...

– В преферанс, молодой человек, когда-нибудь игравали?

– Ну, конечно! Правда, только с компьютером.

– Странное у вашего дружка имечко. Ладно. Конкордия, сдавай, тре вит – побыстрее! Кстати, – колдунья посмотрела поверх пенсне на Радика. – Как там мой мотоциклет? Не угнали еще?

– Стоит. Так это ваш?

– Уи, мон шер.

– И вы это... французский знаете? – совсем уж изумился молодой человек.

– А почему бы мне его не знать? Я, между прочим, в Сорбонне училась, давно, до войны еще... до той, первой, империалистической, как у нас принято называть. О, золотое время – бель эпок! С Клемансо была знакома... милый такой старичок, мон ами Жорж. Да и я была другой – тре жен э тре жоли – очень юной и милашкой. Да-да, молодой человек, что вы так недоверчиво смотрите?

– Да я ничего. А мотоцикл у вас неплохой.

– Мотор вот что-то чихать стал, – вдруг озаботилась ведьма. – Думаю – карбюратор. Вы завтра не глянете? Шофер все-таки, должны бы и в мотоциклетках разбираться. Ну, давайте, давайте, Лидочка, ваш ход!

– Обязательно загляну, – тут же заверил Радик. – Вот, прямо во время обеда и заеду. Часов в двенадцать – устроит?

– Буду ждать, мон шер. Дом-том мой знаете?

– Да знает, – махнула рукой тетка Конкордия. – Ой... бляха ты муха... Одна масть! Чую, Селестина, надают нам щелбанов нынче!

Эту ночь супруги провели в сарае. Хильда, конечно, выглядела исхудавшей, что ничуть не мешало ей проявить самую пылкую страсть. Сама же первой и начала, Родион все ж осторожничал – мало ли, как там у супруги со здоровьем? Ан нет... Юная женушка прилегла рядом, погладила по груди, потерлась щекою, пожаловалась:

– Я соскучилась...

И, быстро вскочив на ноги, сбросила с себя ночную ру-

башку – смешную, длинную...

Ай да Селестина, ай да ведьма! Ну, ведь вылечила же! Подняла на ноги. Какие там, к черту, доктора? Не годятся и в подметки... Кстати, там на болоте, мотоциклетный след – не ее ли?

Бригадир, да и Федот Степаныч знали уже, что молодая жена Родиона малость прихворнула, а потому отпустили парня на обед пораньше, не сказав ни слова.

Оставив ЗИС на обочине, молодой человек прошел через сад и, покосившись на BMW, вежливо постучал в дверь.

– И чего вы барабаните? Там же звонок есть.

Действительно – есть, вон – кнопка. А Рад как-то и не заметил.

– Здравствуйте, Селестина Ивановна!

– А, Родион... Подождите секундочку, сейчас я выйду. Присаживайтесь вон, в беседке, на лавочку.

Молодой человек так и сделал, хотя брался первым делом посмотреть мотоцикл – времени-то было не так уж и много. Но раз уж хозяйка сказала...

Усевшись в красивую резную беседку, небольшую, но очень уютную, молодой человек положил руки на стол в ожидании ведьмы, которая долго себя ждать не заставила, явилась – в длинном черном платье, с самоваром в руках.

– Чашки с полочки достаньте, мон шер амиии.

– Селестина Ивановна, мотоцикл бы сперва глянуть.

– А что на него глядеть? В порядке все с мотоциклом, – поставив самовар на стол, колдунья поправила сползшее на самый кончик носа пенсне. – Работает как часы. Я ведь не для ремонта вас позвала – для разговора. С глазу на глаз чтоб... Да и вы – я вижу – того же хотите, ведь так?

– Так, – отрывисто кивнул гость. – Можете меня на «ты» называть, так проще.

– Как скажете... скажешь. Ты чай-то пей – вкусный, на семи травах заваренный.

– Спасибо. Спасибо вам за Хи... за Лиду спасибо.

– Спасибо после будешь говорить – я ж ничего еще не сделала, – поставив чашку на стол, Селестина Ивановна взглянула на собеседника требовательно и жестко, совсем как Лаврентий Берия с висевшего в кабинете участкового портрета.

– Дня два-три, много – пять, невесте твоей жить осталось, – негромко произнесла ведьма.

Родион выронил чашку с недопитым чаем:

– Что?!

– И тебе – немногим больше.

– Но... но почему?

– Ты сам прекрасно знаешь, – собеседница прищурилась и стала еще больше походить на всесильного министра внутренних дел. – Вы оба – ты и твоя жена – здесь чужаки. Не наши! Из другого мира явились, ведь так?

– Ну, так... – нехотя признался Радик.

– Я это сразу почувствовала, когда Хильду-Лиду твою увидела... и потом – тебя. Вы – чужаки и не должны быть здесь, наш мир вас выталкивает, отторгает. Оттого все.

– Вы сказали – выталкивает. А не может вытолкнуть туда, откуда мы явились? Было бы здорово!

– Еще б не здорово, – согласилась ведьма. – Только вот невозможно это.

– Да как же невозможно! – волнуясь, выкрикнул Родион. – Ведь мы же оттуда пришли, прошли как-то. Почему же нельзя обратно?

– Теоретически, может, и можно, – собеседница снова кивнула, едва не потеряв пенсне. – Только я вот не знаю – как. Нет, про Чертово болото я знаю, но никогда не пробовала пройти, не пыталась даже.

Гостю вдруг показалось, что эти слова ведьмы слишком уж противоречили ее предыдущему заявлению: то не знает, то знает, но не пыталась.

– Так-таки не знаете? Живя у такого места... За столько лет.

– Настойчивый ты, мон шер, – нехорошо улыбнулась старуха. – На откровенность меня вытягиваешь? Что ж, не хотела говорить, но...

Она сейчас стала еще больше походить на Берию, не на настоящего Берию, а на того карикатурного монстра, садиста и сластолюбца, что рисовали слабому на голову обывателю желтые перестроечные газеты. Это пенсне, тонкие, сурово

сжатые губы, злой безжалостный взгляд.

– Не хотела говорить, померли б вы и что? Но, если убедетесь подобру-поздорову – это тоже неплохо, даже лучше еще. Только – хлопотно.

– Да что нам эти хлопоты!

– Кровь нужна. Твоя – чтоб женошке жизнь продлить, хоть на неделю.

– Всю забирайте!

– И еще – чужая. Это чтобы попытаться уйти.

– Как это – чужая? – гость вскинул глаза.

– А так! Ты должен принести в жертву двух человек, – строго сказала колдунья. – Одного – за себя, другого – за женошку.

– А без крови?

– Без крови – ничего не выйдет! В этом деле так – жизнь за жизнь, смерть за смерть. Так, и только так!

– Но ведь вы же сказали, что не пробовали, что точно не знаете!

– Увы, как видишь – кое-что все-таки знаю. Просто не хотела говорить. Убьете на болоте двоих – быть может, уйдете.

– Быть может?!

– Заклинания я тебе дам хоть сейчас. И кровь... кровь возьму, не бойся, немного... солью в крынку для заговора. Уж постараюсь, и женошка твоя, и ты дней десять протянете, а потом – не взыщи. Что смогла – я для вас сделала.

– Спасибо и на этом, – мрачно пробурчал гость. – Кровь

сейчас забирать будете?

– Да.

– Заклинания не забудьте. И это... можно еще вопрос?

– Спрашивай. Для того и пришел.

– Вот мы сюда попали, отправили нас. Без всякой крови все обошлось!

– Да что ты! – ведьма скептически хмыкнула и ухмыльнулась. – Вас кто отправлял – колдун?

– Жрец. Навий.

– Это он вам сказал, что без жертв?

– Хм... – молодой человек задумчиво почесал голову. – Честно сказать, я и не спрашивал. Но мы ничего такого не видели – точно!

– Не видели, не значит – не было, – вполне резонно возразила колдунья. – Женушку свою спроси – думаю, она больше знает.

– Спрошу, – Родион тряхнул челкой. – Но ведь я... когда первый раз, просто провалился в болото, уж там-то точно никаких жертв не было! Чисто случайность.

– Случайность – есть осознанная необходимость. Никаких флуктуаций без человеческой крови не будет – о том в древних книгах сказано, я их, кстати, читала... там, в Париже еще. Вообще, страшное это дело, опасное. Для всех людей опасное, для всех наций. Вот и война началась, первая, не с бухты-барахты, тоже вот из-за таких, как ты... Кто-то проник... захотел крови.

– Ну уж вы скажете – война! Там же целый комплекс причин.

– И главное – ее очень хотели. И подталкивали. А про первый раз... опять же, ты из своего мира исчез и ничего больше не видел. В болото, говоришь, провалился? Один? Ну... Уверен, что больше никаких жертв не было?

– Не уверен, – честно признался юноша.

И в самом деле, тогда, на ночном ориентировании, не только он один мог путь срезать – туристы народ ухватистый, хитрый.

– Ну, вот и подумай, – напутствовала на прощание колдунья. – А за заклинанием завтра зайдешь – напишу уж по памяти. Не сомневайся, подействует – была бы кровушка алая.

Находясь в самых расстроенных чувствах, Родион свернул на ведущую к полевому стану грунтовку. Да, называется – поговорили. Узнал, что надо. Лучше б не знал! Десять дней им с Хильдой жить осталось? Кровь нужна. Целых два трупа! А может, врет все старуха? А, если не врет? Десять дней – максимум. Что ж. Хильду только жалко. Но – убивать людей, приносить на болоте в жертву – да еще неизвестно, подействует, или нет? Пятьдесят на пятьдесят. Лотерея. Кровавая лотерея смерти!

ТЬфу ты, черт! И откуда он взялся?

Молодой человек в последний момент успел тормознуть, едва не сбив выскочившего на обочину подростка. Затормо-

зил, заглушив двигатель, выскочил рассерженный из кабины:

– Вот сейчас кому-то уши-то оборву! Ты что так, как заяц, на дорогу выскакиваешь?

– Да не выскочил я! – пацан даже не пытался убежать. – Просто шел себе и шел. Это ты, как угорелый несся... Ой! Здорово!

– Привет!

Родион тоже узнал парнишку – тощий, длинный, в линялой майке – Митька Стрела. Тот самый, подранный. Стрелой из прошлого, между прочим! Откуда ж еще?

– Ну, садись, подвезу.

Обрадованно кивнув, Митька забрался в кабину:

– Ох, ну и жара тут!

– А ты думал – курорт?

Запустив двигатель, молодой человек прибавил скорость и покатил к току.

– А ГАЗ-то помягче ходит, – осторожно заметил пацан.

Родин хохотнул:

– Ишь ты – помягче. Еще б не помягче – ЗИС-то этот до войны еще выпущен. Или в войну.

– В войну. Немцы их рус-фанер называли. Кабина-то деревянная.

– Еще скажи – и бампера переднего нет, – обиделся за машину Радик. – Ходи тогда пешком, привереда.

Скосив глаза, он заметил на левом предплечье парнишки белесый шрам.

– Это тебя стрелой?

– Стрелой, – Митька покладисто кивнул. – Я ж рассказывал.

– Так, говоришь, прямо с середины болотины стрела прилетела?

– Ну, так. Я левым боком к болоту стоял. Или сидел.

– Вот видишь – не помнишь.

– Да помню я все, – отмахнулся парнишка. – Только не верит никто.

– А стрела-то где? На память себе оставил?

– Оставил. Но вначале в музей краеведческий отнес, да там не взяли, сказали – нам только старинные вещи нужны, а эта – видно сразу – новая.

– Хм... новая?

Новая... может быть, кто-то из Радомировых родичей ее и сладил, может, Истр или Тужир даже... Стрела. Прилетела...

Родион снова резко затормозил, так, что его юный пассажир едва не стукнулся лбом о лобовое стекло.

– Что? Опять чуть кого-то не сбили?

– Да нет. Просто, забыл кое-что дома. Ты дальше пешком, ладно? А я назад – обернусь быстро.

– Ладно, – выскочив из кабины, Митька махнул рукой и зашагал по шоссе к видневшейся невдалеке весовой будке.

Не теряя времени даром, молодой человек быстро развернул ЗИС и, приветственно мигнув фарами попавшемуся навстречу Серегину «газону», свернул к Красноперовке.

Слава богу, ведьма еще была дома.

– Ты чего приехал-то? За заклинанием еще рано, сказала же – завтра заезжай.

– Не в заклинании дело, Селестина Ивановна. В стреле.

– В какой еще стреле? – колдунья удивленно моргнула.

– В обычной... то есть не в совсем обычной. Короче, есть тут такой Митька, паренек лет четырнадцати, так его два года назад на болотине стрелою...

– А, вон ты про что, – догадалась ведьма. – Про стрелу. Слышала я про тот случай. Да и – можно сказать – присутствовала, коренья да травы разные как раз у болотины собирала. Видала и стрелу. Не наша!

– Так, оттуда, значит, стрела-то?

– Выходит, так. Оттуда.

Родион нервно потер ладони:

– Что же, получается, стреле проникать можно, безо всякой крови, а нам с Хи... с Лидой – нельзя?

– Уж ты и сравнил, – Селестина Ивановна задумалась, усе-
лась на лавку.

– Уверен, стрела эта чисто случайно из прошлого к нам залетела, – подначил молодой человек. – Никто ее специально не посылал, просто сложилось так. И, говорят, тут еще много вещей из прошлого находили?

– Да были, – отмахнулась ведьма. – Помолчи, не мешай думать. Да-а. Мечи находили, точнее – только то, что от них осталось, древние... а вот стрелы, стрелы новые были. И од-

но копые. Та-ак... Массу на скорость... плюс плотность среды... Вы-то ведь не стрелы!

– А какая разница? Те ведь тоже – чужеродные.

– Подожди, подожди, скорость высчитаю.

– Да я уже по дороге высчитал – шестьдесят километров в час примерно. Ну – семьдесят. Так что, если какую-нибудь баллисту-катапульту сладить... или, нет! Эврика! – радостно вытаращив глаза, Родион с силой хлопнул себя по лбу. – Скорость-то невелика! Обычная скорость...

– Мотоциклет свой для экспериментов не дам! – тут же прикинув, что к чему, сурово заявила старуха. – Утопите в болотине, как пить-дать, я потом на чем буду ездить, на метле, что ли?

– Да уж ладно – мотоциклет, – усмехнувшись, успокоил юноша. – Что, в МТС машин мало?

– Ой, убьет меня Степаныч, точно! – ведьма испуганно заморгала. – Коль узнает, что я к порче техники причастна. Хоть и не прежние времена, а вредительство запросто пришить могут. Оно мне надо?

– Да ничего от вас не надо. Заклинание только. Да и что они вам пришьют-то? Напишут в органы заявления, мол, гражданка Селестина Ивановна путем черного колдовства в отдельно взятой МТС транспортный коллапс вызвала, так, что ли?

– Да, мон шер, – успокоившись, согласилась ведьма. – Довольно смешно получается.

– Довольно грустно будет, если вы нам с заклинанием не поможете!

– Да помогу. Сказала уже! Завтра все, завтра.

– И это... это заклинание точно поможет уйти?

– Поможет! Даст бог, уйдете. Только вот куда – никто не знает.

Веселенькое дело. Ну, что ж – придется рискнуть.

– Да, вот еще что давно сказать хотела, – колдунья задумчиво взглянула на Родиона. – Ты про волшебный венец что-нибудь когда-нибудь слышал?

– Венец? Нет, не слыхал. А что?

– Легенды такие ходили – про корону бургундов и бургундскую же спящую деву. В Париже в конце прошлого века книжка вышла, автор Шарль... Шарль... Тьфу-ты! Фамилию-то запомнила.

– Так никакая жена моя не бургундка.

– А-а-а... – старуха махнула рукой. – Ну, это я так...

А матушка-то Хильды как раз из бургундов была. И – не простой крестьянкой. Хильда как-то рассказывала, так, вскользь – сама мало что понимала – да Рад внимания не обратил. Как и теперь вот – на корону бургундскую.

Вечером, в сарае, Родион тщательно выпросил супругу о том, что делал жрец Влекумер во время их перехода.

– Во время чего?

– Ну, когда мы на болото пришли, помнишь?

– Да помню, несколько дней и прошло, а сейчас кажется, будто полжизни!

– Вот и мне тоже. Так что там Влекумер делал?

– Он же перед нами ушел, забыл, что ли? А потом, как мы явились, костер жег да заклинания начал читать.

– Да, гундосил что-то. А он один тогда на болота ушел, не знаешь?

– Не один, двух отроков взял, рабов – они ему снадобья все несли да котлы.

– А потом куда эти отроки делись?

– А вот уж этого я не заметила. Мы ж, как пришли, так сразу и вышли... уже вот здесь.

– Да-а, – тихо протянул Радик. – Значит, были все-таки трупы. Права Селестина, права.

– Я вот еще что вспомнила, – задумчиво произнесла Хильда.

– Ну-ну?

– Влекумер-навий огонь в костре раздувал дощечкой черненькой с буквицами белыми... ну, такая дощечка у тебя на повозке теперь.

– А! Понятно – номер. Ха! То-то его Серега «Извини-прости» ищет – не сыщет. Ты как себя чувствуешь, милая?

– Как после болезни тяжелой, – опустив густые ресницы, призналась юная женщина. – Слабость везде. Хотя лучше уже намного, чем в те дни.

– Ничего, – прижимая к себе жену, Родион улыбнулся. –

Скоро нам всем хорошо будет. А что – попытка не попытка?

– Ты это о чем?

– Скоро узнаешь.

На следующий день, в обед, молодой человек отправился на болото и хорошенько там все осмотрел, прикинул. Посчитал что-то в уме, сел на подножку верного ЗИСа, задумался. Ну, никак нужная скорость не получалась. Если на ЗИСе, да и на «газоне» даже. Грузовик, он и есть грузовик, а не гоночная машина – фиг тут, на этом участке, разгонится, просто места не хватит. От шоссе к трясине поворотка недлинная, а девяностоградусный поворот на скорости не пролетишь, как ни старайся. Вернее – пролетишь... в кювет вверх тормашками!

На грузовике – да-а. Вот если б ведьмин мотоциклет! Или... или – директорская «Победа»!

Крякнув, молодой человек несколько смущенно потрянул головой – во, замахнулся! На святое. «Победу» задумал угнать... тогда уж мотоцикл лучше... нет, мотоцикл не получится – вдруг озлится колдунья? Пустит вдогонку какой-нибудь наговор, уж точно – никуда потом не денешься, не прорвешься, а если и прорвешься – так не туда. Нет уж, ведьму понапрасну злить нечего.

Та-ак... у кого тут еще подходящий транспорт имеется? В МТС многие ремонтировались, это даже несколько дней проработавший Родион знал. Итак, что имелось-то? В кол-

хозе «Светлый путь» председательский «виллис». Сколько ему годков-то? А десятка полтора, как ни крути.

Да и водила там тот еще фрукт, машина наверняка убита уже давно напрочь, тем более, на текущий момент – сломана.

Что еще в колхозе? Да ничего – в МТС вся техника, колхозам в аренду вместе с водителями дается – в лизинг. Легковые есть, конечно, но только у председателей... Да! У участкового уполномоченного мотоцикл! Тоже BMW... или «Ковровец». Нет, с коляской – значит, BMW, трофейный... или Иж. Только он в председательском гараже на замок заперт. А какой из Родиона взломщик? Никакой. Да и сторож там. Пролет с мотоциклами. А если – у местных парней? Не смешите старые тапочки, не так уж еще зажиточно советские люди жили, чтоб каждый сопленосый молокосос мотоцикл имел. Мопедов – и тех еще не было.

В колхозе имени Тельмана что? У председателя... черт его знает, а вот у главного агронома – трофейный «Опель», двухдверный «Опель-кадет», с которого «четырёхсотый» «Москвич» слизан. «Опель» подойдет, точно! Агроном позавчера только на МТС заезжал – подвеску поправить. И оставляет он авто, скорее всего, у дома, и дверцы, конечно, открыты – здесь, в деревнях, и дома-то отродясь не запирали, да по всей России так.

Значит, «Опель»...

Ха! А у зоотехника из колхоза имени Восемнадцатого партсъезда? Не у него ли легкой «Хорьх», тоже, конечно,

трофейный?! Немецкая техника – шикарная вещь, кабриолет к тому же. Садись да езжай!

Радик даже обрадовался: ишь, как все славно выходит – немного подумал, а уже две подходящие тачки намастырил!

Ага!!! Как же он про директора семилетки-то позабыл? Новенький, недавно выигранный по облигациям «Москвич», сверкающий свеженьким светло-зеленым лаком! Тоже вполне подходящая штука.

Так что есть, есть на чем рвануть при случае... и случай этот надо уже в самое ближайшее время устроить, чего бы это ни стоило! А сейчас... прямо вот сейчас... и подложить соломки. Так, на всякий случай – мало ли? А вдруг – не повезет, и со всей дури – в трясину?! Машина, конечно, не сразу затонет, другой вопрос – выбраться-то из нее как? Никаких тропок да гатей в болотине нет.

Молодой человек задумчиво оглядел прилегающий к болотцу лесочек... оглядел – и улыбнулся. Ну, слава тебе, Господи – те две сушины как раз подходящие – свалить, почти до середины болота достанут, до самой трясины. Вот, по ним, если что – и выбраться. А там уж опять трясти колдунью.

Родион и откладывать ничего не стал – вытащил из-под сиденья топорик, гимнастерочку – Конкордии тетке подарок – скинул. Эх! Раззудись плечо!

Не долго и рубил, правда, вспотел, но то от жары больше. Оба деревца упали как надо. Теперь во-он туда, к их вершинам – и машину направить. А вот здесь, где болотина начи-

нается – из глины нечто вроде трамплинчика сделать. Чтоб наехать с разгона, и... Белокрылою чайкою!

– Эй, Радик!

Выглянув из окна машины – как раз разгрузался – Родион увидал у весовой бежевую «Победу» и стоявшего рядом с нею директора МТС.

– Что, Федот Степаныч?

– Подойди-ка.

Директор выглядел как-то необычно смущенно и также смущенно мял в руках кепку.

– Ты это... закончи сегодня пораньше. Вот еще рейс сделай – и шабаш.

– А что? Случилось что-то?

– Понимаешь, участковый с тобой поговорить хочет. Что-то там не срослось с запросами. Да ты не журишь, разберемся! Я сам как раз туда, в правление, еду, заодно и тебя захвачу.

– Хорошо, Федот Степаныч. Участковый вернулся уже, что ли?

– Да уж вернулся. Раньше обещанного прилетел – служака он добрый.

Та-ак... И что теперь? Кто поручится, что он, Родион, вообще из милицейского кабинета выйдет? То есть, конечно, выйдет, но уже в наручниках. Значит, нужно вообще до кабинета не доходить. Но грузовик все ж таки поставить, к че-

му лишние подозрения раньше времени вызывать? Тем более, дорога тут в станицу одна – если что, никуда и не денешься.

Послушно совершив еще один рейс, молодой человек загнал ЗИС на просторный двор машинно-тракторной станции – от «Победы» уже махал рукой директор.

– Ну, заждался уже. Давай скорей – мне из-за тебя на межколхозное совещание опаздывать неохота.

– Да я б и пешком, Федот Степаныч.

– Сказано же – подвезу! Садись быстрее, пассажиром по-езди!

Директор тронул машину, едва только Родион успел захлопнуть дверцу. Ехали молча – да и что тут было ехать-то? Километров пять с гаком.

– Ну, ни пуха, – бросив машину у правления, директор и сам выбрался из салона... естественно – оставив в замке зажигания ключ.

Не имели тогда советские колхозники такой дико буржуазной привычки – ключи от машин с собой по карманам таскать! Хорошо жили – правильно. Кто вкалывал – тот и имел. И независимо, где ты там живешь – в Москве или в какой-нибудь там Красноперовке.

Родион и уходить никуда не стал, просто подождал, когда грузная фигура директора скроется за массивной двухстворчатой дверью, уселся обратно в салон, завел. Чтоб не кряхтеть сцеплением, врубил сначала вторую, потом – сразу

– первую... не особо газуя, тронулся.

Ни одна собака и ухом не повела!

А Хильда как раз выносила помой...

Тормознув, Родион распахнул дверцу:

– Садись скорей, милая!

– Кататься поедем?

– Гм... Типа того. Ну, быстрее же! Да брось ты это чертово ведро.

Данной конструкцией авто боковые зеркала заднего вида предусмотрены не были. Как только супруга наконец уселась, молодой человек глянул через заднее стекло... и обомлел, увидев сворачивающий с большака мотоцикл. Нет, не с колдуньей, та синие галифе и фуражки с красным околышем не носила.

Радик тронулся сразу со второй, с прокрутом, с перегазовкой – только шины скрипнули. Нижнеклапанный двигатель «Победы» на низах тянул хорошо и разгонялся быстро, так что милиционер быстро отстал, правда, на большаке вновь стал нагонять... Да-а-а... Никакой у него не Иж и не «Ковровец» – BMW! Что и говорить – немецкая техника, она и здесь не подводила.

Втопив педаль до упора, Радик прибавил газу – машина дернулась, уверенно пошла быстрее, мотоциклист вновь потерялся из виду.

Бух...

Ага, потерялся, как же!

Что-то свистнуло, и заднее стекло с треском рассыпалось на осколки!

Стреляет, сволочь! Звездочку на погон зарабатывает. И плевать, что проселок, что машины встречные – вон, тот же «Газон».

– Хильда, пригнись!

Ладно, попетляем... Руль влево... вправо... Пыли побольше поднять... Стреляй, стреляй, техасский рейнджер! Повертку б не проскочить... не проскочить бы поворотку ага... вот она... Резко сбросить скорость... Вторую... Повернуть...

Снова выстрел.

В колесо не попал бы, черт.

– Держись, милая... Заклинание выучила?

– Угу.

– Тогда читай – самое время!

Участковый тоже вынужден был снизить скорость на повороте – законов физики даже для милиции еще никто не отменял.

Тем временем бежевая «Победа», взяв резкий разгон, уже мчалась к болоту!

Соскочив с мотоцикла, старший лейтенант выстрелил в воздух и отчаянно замахал рукой:

– Эй, эй, куда? Стойте! Там же трясина... дурни!

Подскочив на кочке, разогнанная машина, пролетев над болотиной метров десять, тяжело шлепнулась в зловонную

жигу.

– Ну, вот и приехали, – подбегая, участковый перезарядил пистолет. – Все. Финита!

Глава 3

Сентябрь. Южная лесостепь

Последняя надежда

Странно, но «Победа» стояла на сухом месте – на небольшой полянке меж белоствольных берез с уже появившимися среди зеленой листвы желтыми прядями, предвестниками близкой осени. Вокруг полянки толпился смешанный лес, самый настоящий, не какая-нибудь там реденькая лесополоса. Кряжистые солидные вязы, солнечно-золотистые липы, вечно хмурые осины, березы опять же, а вдалеке, до самого горизонта, теснились безбрежным морем серо-голубые верхушки елей.

– Смотри-ка – брусника! – выйдя из машины, Родион нагнулся и отщипнул пару налившихся красных ягод.

Бросив в рот, улыбнулся – вкусно.

– А говорили, тут ягод нет!

Хильда присела рядом:

– Да, брусницы полно. А мы где, милый? Что-то на ту болотину не очень похоже, скорее – на нашу.

– Да уж, – молодой человек озадаченно почесал стриженный затылок и, запрокинув голову, посмотрел в небо, на котором уже начинали собираться тучи.

Не замедлил и дождик, хлынул, окатил холодным ду-

шем... супруги забрались в машину – переждать.

– Заодно хоть посмотрим, что здесь имеется, – улыбнулся Рад.

Ничего толкового, впрочем, в салоне не нашлось, если не считать кучи гаечных ключей и монтировки. Зато бензина был почти полный бак, что, наверное, могло еще пригодиться.

Дождь барабанил по крыше, несильно пахло нагревшимся машинным маслом и еще почему-то – сеном. Или это просто ветер задувал в открытую форточку?

Ведьма Селестина не сказала наверняка – куда именно их занесет, да и вообще – вынесет ли? Теперь приходилось гадать. Что ж... так уж сложилось. Главное, чтоб...

– Ты как себя чувствуешь? – повернувшись, молодой человек обнял жену за плечи. – Слабости нет? Голову не кружит?

– Да нет, – Хильда с улыбкой поцеловала его в губы и тут же призналась. – Разве что так, слегка.

– Ничего, – утешил Родион. – Скоро все пройти должно бы. Ой! Дождь-то вроде как кончился. Пошли-ка, милая, глянем, куда нас все-таки занесло? Да, монтировочку-то я, пожалуй, возьму – пригодится.

Мягко хлопнули дверцы. Молодые люди, пройдя мимо берез, тотчас обнаружили тропку – неширокую, но найденную. По ней и пошли, с осторожностью поглядывая по сторонам.

Родион внимательно смотрел под ноги – не блеснет ли стекло или пивная банка? Или. Может, пластиковый пакет занесло ветром или еще какой-нибудь мусор – вестник цивилизации. Нет, ничего похожего что-то не попадалось, увы... А ведь не такая уж и глушь тут была, рядом люди, шоссе, станция. И железная дорога должна быть. Молодой человек остановился, прислушался – поезда не гудят ли?

– Ты чего? – спросила идущая позади Хильда. – Увидел что-то?

– Да нет. Просто так. Слушаю.

– И я... Ой, слышишь?

– Что такое? Поезд? Шум машин?

– Тетерев!

– Тьфу ты, – Радик махнул рукой. – Ладно, идем уж.

Как и следовало ожидать, тропинка вывела путников на дорогу глубокими, кое-где заполненные коричневато-бурыми лужами колеями, ведущую из леса, мимо ручья, к лугу, на котором издалека было видно пасущееся стадо.

– А вон и пастушонок, – присмотревшись, показала рукой девушка. – Под березой, спит. И собака. Ишь, взлаяла! Возьми-ка палку – как бы не бросилась.

– Хороший пес на людей зря бросаться не будет, – резонно заметил Рад, поудобнее перехватывая монтировку, про себя при этом отметив, что колея-то – тележная и проезжали тут совсем недавно тяжелые, запряженные медлительными волами возы.

– На своих не будет, – тихо заметила Хильда. – А вот на чужих. Тихо, псинище, тсс!!!

Юная женщина перешла на готский язык, видимо, от волнения – выскочивший из травы пес выглядел отнюдь не добродушной дворнягой. Здоровенный, мохнатый, какой-то волчьей – серой с желтыми подпалинами – масти, с мощными лапами. Остановившись напротив путников, пес оскалил зубы и зарычал.

– Ты особо-то не щерься, собака Баскервиллей, – подкинув монтировку в руке, негромко предупредил молодой человек. – А то ведь по хребтине-то приласкаю, мало не покажется. Нет, в самом деле, уймись, коли сам себе не враг!

– Цыть, Пардус, цыть! – охолонил уже готового кинуться пса выскочивший на дорогу пастушонок – белоголовый, лет двенадцати, мальчик, в холщовой, навыпуск, рубахе, подпоясаной узеньким пояском, босой.

– Ты откель будешь-то, Филиппок? – ухмыльнулся Радик. – Только не говори, что из церковно-приходской школы! Шоссе далеко? А железнодорожная станция?

Парнишка озадаченно похлопал глазами цвета серого осеннего неба и вдруг неожиданно улыбнулся, показав неровные щербатые зубы:

– А я вас знаю! Ты – Радомир, из Доброгастова рода, а это – жена твоя, готка... забыл, как звать.

– Все-то ты ведаешь! – отвернувшись, молодой человек разочарованно сплюнул.

Он даже не спрашивал, как отрок его узнал – такого вот, стриженного под бокс, побрившегося... Узнал – древние люди редкостной наблюдательностью отличались, чего уж тут спрашивать, а другом думать надо.

Теперь уж яснее ясного – какая тут, к черту, железнодорожная станция? Какое шоссе? За что боролись, на то и напоролись. Вернулись туда, откуда пришли. В прошлое! То самое... провалилось бы оно куда подальше! Одно только хорошо – Хильда больше чахнуть не будет. Ладно – пусть хоть так. Да ведь можно и повторить попытку... правда, если удастся вновь заставить жреца. Но, в прошлый-то раз ведь заставили, да он и сам рад был сплавить конкурентов подальше. Конкурентов на власть в общине, говоря учеными терминами – в соседской общине – местное селение словен состояло из нескольких родов, из которых род старейшины Доброгаста был, пожалуй, самым уважаемым.

– Ты собачку-то привяжи, отроче.

– Угу, сейчас... Пардус, Пардус! А ну, к стаду пошел! Иди-ка... у-у-у, хороший.

– Сам-то из чьих? – хмуро поинтересовался Рад.

– Витенег-старосты челядин, Хвалунко.

– Витенегов, вот как... А сколько ден прошло с тех пор как мы... как нас в селении не стало?

– А вас когда не стало? – пастушонок озадаченно моргнул. – Я ведь тут, на выпасе, почитай, все лето.

– А месяц, месяц какой на дворе?

– Листопад-месяц.

Ага, вот оно как. Сентябрь, значит. Теперь бы еще год уточнить... а, впрочем, чего его уточнять-то? И так ясно – коли парнишка не врет, – четыреста пятьдесят второй, осень. И Господи, и времени-то прошло – всего ничего, месяца полтора, два от силы.

Ладно, что тут теперь стоять?

Родион повернул голову:

– Ну, что, пошли в селение. Отлежимся, подкормимся, а потом... Попытка не пытка, как говорил герой анекдотов товарищ Берия!

– Подожди, – похоже, Хильда пропустила слова супруга мимо ушей. – А ну-ка, отроче. Скажи, как там, в селении? К тебе ведь кто-то приходит, еду приносит, новости рассказывает.

– Да прибегает Госта-опарыш, тож, как и я – раб Витенегов. Только что он знает-то, Госта? Мал еще, от горшка два вершка, одно слово – Опарыш, – Хвалунко презрительно рассмеялся.

– И что же, так-таки ничего Опарыш твой не рассказывал? – недоверчиво уточнила девушка. – Ничего такого в селенье не произошло за это лето? Ну, такого... этакое...

Молодой человек с удивлением посмотрел на жену – не ожидал от нее такой вьедливости!

– Этакое? – парнишка задумчиво поковырялся в носу и вдруг прямо подпрыгнул. – Да как же не было, госпожа моя!

А ведь было! Доброгаст-то, старейшина, помре! Давненько уж тризну справили.

Вот это новость!

Супруги настороженно переглянулись. Час от часу нелегче!

– Точно – помре? – чуть помолчав, вкрадчиво переспросила Хильда. – И точно ли – Доброгаст, ты не путаешь?

– Да не путаю! Я тож на тризну смотреть бегал, знатная была тризна, любо-дорого! И страву устроили – вои промеж собой до крови бились, и трех лошадей славному Доброгасту с собой дали, и рабыню, чтоб услуживать, и еще малых рабов, отроков.

– Ага, – сплюнул сквозь зубы молодой человек. – Тризну, говоришь, справили...

– И страву! Славная страва была, славная.

– Влекумер-навий все устраивал?

– Он.

Родион скривил губы: ну, конечно же Влекумер – кому ж еще-то?

– Значит, сейчас Истр-воин в роду Доброгаста за старшего?

– Не, – подумав, отозвался отрок. – Не Истр. Истр ушел, говорят, к готам. Его в смерти отца и обвинили. Нож Истра в груди старца торчал, вот оно как!

– Нож?! – вскинув глаза, Рад потрянул головой. – Истр родного батюшку жизни лишил? Да не поверю.

– Судилище собирали, видоки нашлись, послухи.

– Послухи? И кто ж? Влекумер-навий?

– Не, не он. Хотобуд-вождь с Ятвигом-воином. Хотобуд этот нож Истру и подарил. Приметный такой.

– Что-то?! – изумился юноша. – Хотобуд – теперь вождь?!

– Над дружиною – старший!

– Вот оно как, значит. Быстро же все тут, без нас... Истр бежал к готам! Ты слышала, милая?

Хильда задумчиво кивнула:

– Слышала. Может, нам не стоит в селенье идти?

– Подожди, – Радомир повелительно махнул рукою. – А кто же теперь в Доброгастовом роду старший?

– А нет никого! Мужиков там давно еще готы повыбили, воинов забрали гунны. Да приберут к рукам родичей Доброгастовых, уж это понятно – коль старшего в роду нет.

– Постой... А Тужир? Ну, парень такой кудрявый, песни все пел...

– Да знаю я Тужира. Знал.

– Что значит – знал?

– На охоте погиб Тужире.

– Тьфу-ты!!! – искренне огорчившись, Радомир нервно потер ладони. – Да что ж у вас тут все перемерли-то?! Слушай-ка, а ты правду ли говоришь-то?

– Родом, Мокошью и всеми богами клянусь – правду! А Витенег наш, может, род оскудевший к своему прислонит или другой кто.

– Я ему прислоню! – Радомир погрозил монтировкой неизвестно кому и снова с остервенением сплюнул.

– А Хотобуд еще не женился? – быстро спросила отрока Хильда. – Не приискал себе жену?

– Да нет, не слыхал.

– Ну, так приищет, – девушка толкнула в бок задумавшегося супруга. – В Доброгастовом роду, милый мой.

Молодой человек усмехнулся:

– Всегда знал, что у меня умная жена. Так поспешим!

– Поспешим! – отрывисто кивнула Хильда. – Заявим свои права на род. Теперь ты – старший!

Махнув рукой пастушку, супруги быстро зашагали по дороге – к селению.

– Но почему Хотобуд? – на ходу недоумевал Радомир. – Мерзкий тип, хлюпик – все это знают. Правда – умен... не столько умен – хитер, скорее. И коварный – этого не отнимешь. Честно говоря, я думал, Ятвиг будет дружинным вождем.

– Не забывай, Ятвиг – сын наложницы и в своем роду – никто. Как он может стать вождем? Кто рабынича выберет?

– Да-да, ты права, милая. Ятвиг – при Хотобуде. Хотобуд – ум, Ятвиг – сила, а вместе – власть. Доброгаста нет, нет и, увы, Тужира... ах, жаль, жаль, славный был парень! И с братцем Истром что еще – непонятно.

– Доброгаста убили другие старосты – Витенег, Межамир,

Сдислав – старики... молодых воинов в их родах нет... – Хильда нехорошо усмехнулась.

– Понимаю тебя, женушка! При удачном раскладе Хотобуд все селение под себя подомнет! А что? Этот может. Хитрости и коварства у него на троих хватит.

– Еще о Влекумере не забывай. Сколько знаю, Хотобуд всегда при нем был, ты ж сам и рассказывал.

– Да, да!!! Вот именно! – молодой человек с силой хлопнул себя по лбу. – Влекумер! И как же я мог позабыть о жреце? Не Хотобуд – Влекумер всем заправлять будет! Хотобуд так, пешка... вернее сказать – марионетка, есть такая игрушка на ниточках, вот навий их дергать и будет. А мы при таком раскладе для него – самые опасные люди! Как всем было хорошо, когда нас не было!

– Да, милый, – готская красавица спокойно кивнула. – Вот так же произошло и с моим родом. Погиб отец, воины. И все! И я уже – никто. А ведь когда-то...

– Я знаю, ты у меня – августа! Помнишь, что значит это римское слово?

– Латынь я ведаю – забыл? И даже лучше, чем ты, милый.

– Да ладно уж... лучше... – Рад помолчал, потом резко обернулся. – Хильда! Может, тебе все-таки не стоит возвращаться в селенье? Ведь рядом твои соплеменники готы.

– Там меня ненавидят... все, кроме, пожалуй, священника, отца Ингравда. Я ведь приبلуда, забыл? Матушка моя – из бургундского племени. Да и... ты что, хочешь меня силь-

но обидеть?

– Извини, извини, милая, – подойдя, молодой человек обнял жену и ласково поцеловал в губы. – Просто я о тебе беспокоюсь. И не хотел бы, чтоб...

– О, муж мой, я буду с тобой везде и всегда, – тихо, но твердо произнесла Хильда. – Если нам предстоит умереть, мы умрем вместе!

– Нет уж, милая, – с усмешкой возразил Радомир. – Пусть лучше умрут наши враги!

– Поистине славно сказано.

Они двинулись дальше, меж сжатых полей и дубовых рощ, вдоль блеснувшей в зарослях ивы речки. Родион невольно вспоминал, как объявился здесь в первый раз, как поначалу никак не мог понять, где очутился – все искал какие-то признаки цивилизации: вышки сотовой связи, железную дорогу, автомобили. Как наконец осознал... И до чего ж стало неуютно и жутко. Если б не Хильда, белокурая красавица из снов. И еще был родич-покровитель – древний, давно погибший богатырь Радомир, имя которого и принял Радик. Радомир – древний победитель готов – сгинул где-то в том самом болоте. И Родион чувствовал его дух внутри себя – молодой человек хорошо понимал местную речь, умело сражался, да и вообще – чувствовал себя в здешних условиях, как рыба в воде. Пока был тут, рядом с болотом – могилой князя Радомира. Но вот, как только болото осталось

далеко, так все умения куда-то делись и пришлось овладеть всем самому – заново учиться владению мечом, стрельбе из лука, речи. Слава богу, учителя попались хорошие – «гунн» (на самом деле, германец) Варимберт; франк, ветеран всевозможных войн и заварушек, Хлотарь; Миусс – мальчишка-гунн, непревзойденный лучник, забавно коверкающий готскую речь – совсем, как учитель джедаев Йода. О, кого только не было в войске могущественного гуннского властелина Аттилы, много позднее прозванного Божьим Бичом! И Радомир – пусть не по своей воле – сумел занять там достойное место, настолько достойное, что Варимберт-херцог доверил ему привести новое подкрепление. Собрать налог кровью!

А, кстати, на этом и можно сыграть! Мол, он, Рад, явился сюда ненадолго – вот наберет дружину, и... А как же род?! Род, который стал для Радомира своим. Нет, совсем негоже бросать его на произвол судьбы, отдав в жадные лапы жреца Влекумера. Надо что-то придумать. Ладно, проживем – увидим.

– Похоже, пришли, – Хильда кивнула на показавшийся за деревьями частокол, с недавних пор ограждавший селенье.

Доброгастово – так его называли соседи, свои же обходились и вовсе без названия. Просто – селение, и так ясно.

Перекинутый через местами обвалившийся ров деревянный мосточек уже успел порости травой, видать, давненько

его не убрали. Никто не нападал? Ну, а кто? И без того все окрестные племена платили дань гуннам, чего делить-то? Хотя, если подумать – найдется. Те же луга, охотничьи угодья, да мало ли? Будут в достатке воины – сразу же всплывет, что соседи что-то должны... другое дело, что воинов-то почти и не осталось уже – всех выгребли гунны.

– Эй, кто? – все же на воротной башенке маячил часовой – совсем еще молодой парень, чернявый, с ухмылкой.

– Глаза протри, чудо! – надменно вскинул голову Рад. – Я – Радомир из рода славного Доброгаста! А это – моя супруга Хильда. Не узнал, что ли?

– Теперь узнал, – присмотревшись, кивнул воин. – А я – Горност. Погодьте, сейчас открою ворота.

Ага, слез. Заскрипел засов. Распахнулись створки.

– Входите. Долго же вы гуляли! Все уж думали – сгнули. Влекумер-навий сказал – утопли в болоте.

– Как видишь, выплыли, – скривился Родион.

– Ой... – воин – он был без кольчуги и бос, лишь за поясом виднелся кинжал – округлил глаза. – С волосами-то у тебя что, господине? Неужто, ведьма какая остригла?

– Сам остриг – вши задолбали. Понимаешь – вши!

– А-а-а... Еще помогает волосы чесать гребнем.

– Благодарствую за совет.

– Или водой известковой мыть.

– И одежда у вас чудная...

– Тьфу ты. Тебе какое дело, что у нас за одежда? – молодой

человек отмахнулся. – Лезь уж на пост, Аника-воин! Копье свое не забудь.

Прихватив прислоненную к частоколу рогатину, юноша проворно усвистал на вышку.

– Ну, – сворачивая к Доброгастовой усадьбе, зло прищурился Радомир. – Поглядим, что тут.

На улице, похоже, стоял сентябрь, в селении все были заняты полевыми работами – кое-где еще заканчивали жатву, кто-то распахивал огневище, оставшееся от спаленного леса, а кое-кто уже боронил поля под озимые. В полях работы хватало, да и на усадьбах не сидели без дела, не было у этих людей такой привычки – бездельничать. Для того, чтоб выжить, нужно было работать – много, упорно и тяжело.

– Слышишь? – останавливаясь у небольших ворот в сложенной из камней ограде, Рад обернулся к супруге. – Вроде орет кто-то?

– Орут в поле пахари, – поправила – вот же язва! – Хильда. – Да, кто-то говорит... похоже, приказывает, распоряжается.

– А вот мы сейчас посмотрим, кто там так обнаглел? – раздраженно сплюнув, Родион ударил в ворота кирзачом, а потом и забарабанил кулаками. – Эй, черти! А ну, открывай!

Звякнув цепями, во дворе разом вскинулись псы, заблазнили, зашлись в лае.

– Кого там несет? – нелюбезно осведомились с усадьбы.

– Отворяйте, говорю, сволочи!

И слова-то, конечно, еще такого не придумали – сволочи, но смысл был именно такой, и нужные слова вылетали изо рта сами собою.

– Вот я те отворю, вот взгрею! А ну! Кто там такой смелый?

Сказали – «тако хоробр» – Радомир уже в уме переводил все.

– Ну?

Ворота распахнулись, явив стоявших во дворе, у обширной мазанки покойного Доброгаста, людей – длинного, чем-то похожего на глисту, мужичка с сивенькой бороденкой, одетого, впрочем, в отнюдь не дешевый, готской работы, плащ, и сопровождавших его подростков – иначе не скажешь – в доспехах дубленой кожи и с копьями. Вся эта гоп-компания, похоже, деловито пересчитывала гусей и уток, коих проворно пригоняли рабыни и слуги.

– Ты кто таков?! – брезгливо выпятил нижнюю губу сивобородый.

– Ты у меня спрашиваешь, тварь? – Родион гордо скрестил на груди руки и обвел взглядом слуг. – Что, людищи? Хозяина своего не признали?

– О, боги! – слуги и рабыни переглянулись, одновременно упав на колени. – Радомире! Володетель наш, господине! Ой, госпожа! Счастье-то какое, радость-то...

– Вижу, вижу, признали. А вы что лаете?! – молодой человек по-господски строго прикрикнул на собак.

Видя такое дело, псинища на всякий случай заткнулись и помахали хвостами.

– Та-ак! – зловеще окинув взглядом враз потерявших всю свою наглость пришельцев, Радомир, углядев прибежавшего на шум старичка-управителя, подозвал его жестом. – Ну? Это что еще тут за продотряд? И комиссар этот, сивый, что-то мне незнаком.

И старик, и сивый, и подростки-воины дружно хлопнули глазами, ничего толком не поняв из только что прозвучавшей тирады.

Сивобородый лишь поклонился:

– Чево-чево, осподине?

– В ухо счас дам! – вконец разозлился Радик. – Стоило только ненадолго уехать... Устроили тут беспредел без меня! Кто послал?! За каким хреном?

– Господин Хотобуде велемши...

– Ах, Хотобу-у-уд... Ладно! Разберемся! Я сам с ним перетру. А вы все – вон отсюда пшли! Скажете Хотобуду – истинный хозяин объявился! Да не один – с хозяйкою. Ну?! Что встали?!

– Да мы, осподине... – еще раз поклонившись, сивобородый махнул рукой воинам. – Уходим пока, парни. Все господину доложим.

– Давай, давай, жалуйся! Попутного ветра в широкую спину. Хотобуду – привет. Скажите, еще свидимся.

Пришельцы поспешно ушли, боязливо косясь на Рада –

уже успевшего прославиться богатыря, к тому же друга самого Варимберта-«гунна», которого в окрестностях боялись все – и словене, и готы.

– Ну? – выпроводив со двора незваных гостей, Радомир раздраженно оглянулся на слуг. – А вы что встали, любезные? Нет, милое дело – хозяин с хозяйкой с утра не жравши, а они тут гусей пасут! А ну, живо зажарили во-он того, жирного. Да не кота ловите, дурни – гуся!

– Ой, как я спать хочу, – входя в мазанку – тут все (даже уже выделившаяся знать) жили в таких вот полуземляночках с глинобитным полом, широкими лавками-ложами и полукруглым очагом в углу.

– Воды нагрейте – помыться! – продолжал распоряжаться Рад. – И сена принесите свежего... ох, ну и смрад же здесь! А меч мой где? Ведь здесь же, на стеночке вот, висел! Куда дели? Как это – не видели? Я вам дам – не видели? Кто ж тогда видел-то?

– Тише, тише, милый, – успокаивала не на шутку разошедшегося муженька супруга. – Чего так раскричался-то?

– Так ведь, правда и есть – добрый меч был, – сняв стресс, молодой человек быстро успокаивался, даже привалился к разлегшейся на лавке жене. – Хлотаря-франка подарок.

– Это с синими сапфирами в рукоятке?

– Не, другой. С синими сапфирами – то у Истра, братца, был, а у меня простой, но надежный.

– Так ведь ты его с собой брал, когда Влекумер волхвовал,

а потом там, в болотину уронил, в трясицу.

– Точно уронил?

– Своими глазами видела... век свободы не видать!

– Ого! – изумился Радик. – Ты сама-то поняла, что сказала?

– Так тетушка Конкордия всегда божилась.

– Слава богу, хоть не «честное пионерское»!

Молодой человек хмыкнул, глянув на старое, тетки Конкордии, платье, выцветшее, явно Хильде великоватое и забранное булавками в смешные, топорщащиеся на боках и спине, складки.

– Сирота ты моя, сиротинушка.

– Ты чего смеешься-то? – обиженно дернулась девушка. – Платье мое не нравится? Так мне и самой. Сейчас и сброшу. Только помоги расстегнуть, там сзади...

Сзади были пришиты пуговички, тоже сиротские, беленькие, такое впечатление – от кальсон. Едва сдерживая смех Родион расстегнул одну, вторую, третью... четвертая отскочила сама – неплотно была пришита. Обнажив худенькую спину, молодой человек поцеловал ее меж лопатками, погладил плечи... что-то треснуло... платье? И черт с ним, все равно не носить.

– Эй, эй, ты что делаешь?

– Глажу твою грудь. Тебе не нравится?

– Вообще-то, нравится. Но мог бы и сам сбросить все эти дурацкие тряпки.

Молодой человек не заставил себя долго упрашивать, уж, конечно, можно было его понять, особенно, когда освобожденная от одежды Хильда повернулась, обняла мужа за плечи, прижалась, призывно открывая губы для поцелуя...

С жаром целуя жену, Рад продолжал ласкать ее прекрасное тело, такое трепетное и гибкое, ощущал шелковистую нежность кожи, ямочки на поясице, и...

Ах!

Томно дыша, влюбленные супруги повалились на ложе, молодые тела их слились, а в голове будто ударил колокол тягучим и сладостным звоном. И все вокруг померкло, и стучала в висках молоточками кровь, и было их сейчас только двое – Хильда и Родион. И никого...

– Милая... как хорошо, верно?!

– Осподине, кадку ставить куда?

Господи... Это кто еще тут? Не вставая, молодой человек медленно повернул голову, увидев только что вошедшего раба с деревянной бочкой в руках. Невольник был молод, но, как видно, силен, сквозь нечесанные светлые патлы пронзительно синели глаза, а на шее – на шее поблескивал железный ошейник.

– Так кадку-то куда?

– Там, в уголке поставь. Что это у тебя за украшение? Никак в побеги пускался?

– Пускался, осподин, – парень тяжело вздохнул.

– Чего ж не убег?

– Поймали. Да и народа моего уже нет, вырезали дулебы, один я и остался. Без роду теперь, без племени.

– Мстить, небось, будешь?

– Уже отомстил, – раб хищно скривился, и в синих глазах его полыхнуло на миг жуткое злое пламя.

А ведь он совсем еще юноша, – почему-то подумал Рад. – подросток.

– Тебе сколько зим?

– Вроде пятнадцать прошло. Точнее не помню.

– Да ты кадку-то не держи, поставь наконец! Что пялишься? Красивая у меня жена?

– Очень! Я раньше думал – таких красавиц и не бывает.

Тут Хильда не выдержала, зашлась в смехе, ничуть не стесняясь, спросила:

– Это ж в какой глуши ты жил?

– На полночь идти долго-долго. Там где стужа, где льды и день зимой – синий да черный. А летом... – парнишка мечтательно улыбнулся. – Летом почти по полгода день – длинный, светлый.

– Ты нам сказки-то не рассказывай – «по полгода день», – махнув рукой, передразнила Хильда. – Ладно врать-то! Кадку поставил? Давай-ка, воды неси! Ох, уж эти мне невольники.

– Слушаюсь, госпожа, – юный раб поклонился.

– Постой, – задержал его Радомир. – Как твое имя?

– В родных местах Ирманом звали.

– Ирман, значит. Я смотрю, ты парень смышленный. Что-то я тебя плохо помню.

– Так и я тут недавно, и года нет.

– Ясненько. А что насчет Истра с Тужиром скажешь? Знаешь таких?

– А то как же! – отрок вдруг улыбнулся. – Славные парни, веселые, Тужир – песенник, а Истр меня хотел с собой в поход, к гуннам взять, да Доброгаст-старейшина не дал. Не доверял мне.

– Тебе, пожалуй, доверишь, – Радомир махнул рукой. – Ишь, ошейник-то! Ладно, ступай, после поговорим, вечером.

– Добрый отрок, – неожиданно прошептала Хильда. – есть в нем какая-то надежность, уверенность, сила, я чувствую.

– Ты грязь лучше свою почувствуй, вон, все плечи черные, давай-ка мыться!

– На себе посмотри, о, муж мой!

Вымывшись, переоделись в чистое, пообедали, закусили бражку гуськом с яблоками пареными, ароматными, вкусными, потом вышли во двор – народ, что от Доброгаста остался, собрали, человек сорок, если с невольниками считать. Мало-вато, конечно, но ведь и в других – соседских – родах немногим-то и больше, а у того же, скажем, Сбыслава – так и меньше даже.

Плохо, что истинных родичей мало осталось – кто с Радомиром к гуннам ушел-сгинул, кто на охоте погиб, а кого

– соседушки-готы убили. Справных мужиков всего-то с дюжину и осталось, ну и рабов, конечно – для вспашки да выпаса, хватит, а так – почитай все женщины да девки, да ребята малые.

– Да уж, – Рад грустно поник головой. – Наследство...

Воинов-то почти и не было, разве вот только те мужики – да и то, какие они воины? Земледельцы. Вся молодежь к гуннам по налогу кровью ушла, а те, что вернулись – Тужир, Истр – где теперь? Эх, Тужир, Тужир, друже... Не петь теперь тебе своих песен, не петь.

Старичок управитель, подойдя, поклонился:

– Не желаешь ли чего приказать, господине? Все сполним – рады.

– Я вижу, что рады, – Радомир тряхнул головой. – Что-то запомнил – тебя как звать-то, старче?

– Творимир-старец.

– То-то и он, что старец. Вот что, пусть пока личный состав занимается по распорядку.

– Че-го, осподине?

– Ну, что делали, то и делайте. Все по хозяйству.

– А Хотобуде...

– А Хотобуде пусть пустую выюшку хлебает! – разозлился молодой человек. – Ой, как вы мне надоели, Господи-и-и...

Кто у вас теперь господин? Я?

– Ты, оспо...

– Вот и радуйтесь!

– Так мы и...

– Все! По местам. Да... Невольник тут один шастает, Ирман.

– Есть такая приبلуда.

– Ошейник с него снимите.

– Ошейник?!

– Немедленно! И пусть ко мне зайдет, живо.

Махнув рукой, молодой человек обернулся к стоявшей рядом жене:

– Милая, немного вздремнуть не хочешь?

– Не, расхотелось уже, – Хильда с самым деловым видом озидала двор. – Пойду лучше пройдуся, все имущество подсчитаю.

Одобрительно кивнув, Радомир сдул упавшую на глаза челку:

– Вот-вот, подсчитай. А то есть тут, в селении, люди, до чужого добра жадные – глаза завидующие, руки загребущие – совсем как у российских хапуг-миллиончиков, ни дна им ни покрышки, тьфу! Давай, давай, милая, учетом займись, а я оружие проверю и воинов.

– Воинов?

– Ну, будущих воинов... так оно верней будет.

Строевой смотр – как про себя называл задуманное мероприятие Родион – он начал с того, что, зайдя в дом, намахнул кружку браги и, завалившись на лавку, принялся ожидать

визита Ирмана, на которого имел кое-какие надежды – больше просто опереться было не на кого, а этот... этот мог стать человеком надежным, обязанным ему. Родиону, всем... Ну, пусть не всем, но многим. Вот это многое молодой человек и собирался предложить невольнику, в коем опытный глаз Хильды уже отметил весьма полезные для задуманного новоявленным вождем рода дела.

– Господине...

– А, Ирман! Заходи, заходи, садись вон там, у порога, на лавочку, рано тебе еще рядом со мною сидеть... Но, может, когда-то такое и станется, и даже куда скорей, чем ты думаешь. Да, садись же, не стой! Ошейник, я смотрю, с тебя уже сняли.

– Сняли, мой господин. По твоему приказу.

– Ясно, что по моему, по чьему же еще-то? Мечом владеешь? – Радомир пытливо взглянул на раба.

Тот качнул головой:

– Нет, господин, не обучен. Зато рогатиной, стрелами...

– Только не говори, что на медведя один ходил и белку в глаз бил! – насмешливо прищурился хозяин усадьбы.

– Х-ходил... н-на медведя, – запинаясь, кивнул Ирман. – И белку.

– Ты не думай, я тебе испытаю – и скоро.

– Всегда готов, господин!

– Ишь ты, всегда готов – юный пионер, что ли? Ладно, не зря я тебе спрашиваю – дружину хочу!

– Дружину?

– Не общую, на все селенье – свою. Больно уж много соседей на род мой зарятся. А доверить такое дело мне, окромя тебя, некому. Ты ведь всех отроков на усадьбе знаешь – кто на что способен?

Посветлев лицом, парень поспешно кивнул:

– Всех, господине!

– Вот и подбери к завтрашнему дню, сколько получится. Ну, и сейчас – человек семь – высоких, крепких.

– Таких у нас и нет, господин. Сам знаешь, всех гунны забрали.

– Ну, положим, не всех, – хитро прищурился Радик. – Я там, среди рабов, совсем неплохих парняг видел, высоких.

Ирман беспокойно дернулся:

– Ты сказал «из рабов», господин?

– Именно так.

– Тогда найду. Но... сейчас семь не найти – от силы пяток сыщется, многие на полях – а вот завтра приведу дюжину! В обиде не будешь.

– Давай-давай, – Радомир ободряюще махнул рукой. – И этого, Творимира-старца покличь – пусть ждет у амбаров.

Махнув вторую кружку – вкусная бражка оказалась, холодненькая, брусничная – молодой человек перевязал заново ремни постолов – чтоб обувка не спадала, и, потуже затянув пояс, вышел во двор и зашагал к амбарам с видом осанистым и важным. Чтоб и сомнения ни у кого не возникло

– кто теперь истинный хозяин усадьбы.

– Жду, жду, господине, – подбежав, поклонился старик. –
Что прикажешь?

– Амбар с воинским снаряжением где?

– А вона!

– Ну, так веди! Поглядим, что тут у вас осталось... точнее
– у нас осталось.

Осталось, увы, немного. Ну, луки, стрелы, рогатины –
этим никого не удивишь, а вот насчет мечей – с этим было
туго. Нет, обычные-то, железнокованные мечи – были, и в из-
бытке, ржавели себе в простых деревянных ножнах без со-
бой пользы. А вот что касается мечей настоящих, стальных,
закаленных, свое собственное имя имеющих... С этим было
плохо, проще говоря – таковых вообще не нашлось. Понят-
но, вещь дорогая, надежная, вот в смутное время-то и укра-
ли. Ладно, пусть хоть такие... Радомир лично отобрал пя-
ток более-менее приличных, поманив мальчишку-раба, ве-
лел отнести к кузнецу, сам же тщательно осмотрел висевшие
на стенах амбара щиты и – с позволения сказать – брони.
Круглые щиты из досок и обтянутой дубленой кожей пле-
тенки, конечно, того, прохудились, однако вид имели впол-
не даже солидный, грозный – лишь чуть подновить, чем тот
же кузнец и занялся, заодно выпрямив помятые шлемы, что
валялись в том же амбаре в углу – навалом.

– Хозяйку покликай, – выйдя из амбара, приказал стари-
ку-управителю Рад. – Она где-то там, на заднем дворе хо-

дила... Хильда, любовь моя! Помнится, у тебя когда-то пектораль была золотая, ну, на праздники ты ее надевала... и браслетики.

– Почему была? Все там же, в нашем жилище так и висит. А что ты спрашиваешь?

– Да, понимаешь, – молодой человек невольно замялся, даже взглядом вильнул. – Нужно для очень важного дела. Дашь?

– Да бери, – Хильда пожала плечами. – Чай, понадобится, так еще подаришь.

– Умница ты моя, красавица писаная. Иди, поцелую!

Ближе к вечеру к официальному визиту уже было готово все. Ирман притащил четырех парней-рабов, из которых хоть более-менее что-то представляли собой лишь трое – пусть тощие, да зато хоть понимали слова, четвертый же – звали его совершенно по-тургеневски Му-му – вообще был полным идиотом, даже говорить не умел, а только мычал – оттого и прозвище. Зато силен был, зараза, да и вид имел представительный – этакая гора.

– Ирман, а этот человек-гора слова понимает? – покосившись на дурака, тихо поинтересовался Рад.

– Приказы – понимает, – с готовностью кивнул раб. – Только надо ему объяснить... я – могу.

– Ладно, – молодой господин махнул рукой, – Пусть и он идет. Только скажи, чтоб ничего не смел делать – просто сто-

ял да вращал глазами. И не разговаривал!

– Так он и так, господине, не говорит.

Кузнец – нелюдимый, до самых глаз заросший косматой бородою, мужик – уже успел к этому времени расплющить пектораль Хильды и полученным сусальным золотом щедро украсил рукоятки мечей и ножны. Подновил и щиты – они по-прежнему рассыпались бы от первого же удара, но с виду теперь выглядели вполне комильфо. Нашлись на всех и чистые рубахи, и плащи, и даже дорогие готские фибулы в виде каких-то устрашающе забавных зверюшек – то ли единорогов, то ли птеродактилей.

Обуть тоже удалось почти всех, кроме дурачины Муму – у того оказалась такая лапа, размер, наверное, сорок седьмой, если не больше.

– Черт с ним, – подумав, Родион шмыгнул носом. – Пушай уж босым идет – жаль терять такую фактуру.

Смачно сплюнув под ноги, молодой человек поправил на плече роскошный бирюзовый, с серебряной вышивкой, плащ, найденный, как и все прочее, в бездонных сундуках Доброгаста, и, откашлявшись, совершенно по-сержантски рыкнул:

– Отделение... Становись!

Аники-воины дружно моргнули.

– В одну линию, говорю, выстройтесь. Да по росту!

– А-а-а, – кивнув, Ирман взял за руку Муму, отвел. – От тут стой, чудушко!

– У-у-у, – довольно замычал дурень, судя по дикой улыбке на маленьком – совсем не по телу – лице, затея господина ему очень даже нравилась.

Еще бы! Волосы гребнем расчесали, дали новый плащ с красивой застежкой и еще оглоблю от старого воза, на котором когда-то возили глину да снопы.

– Так, товарищи бойцы, давайте знакомиться. Ирмана я уже знаю... ты, Муму, стой... Вот ты кто? – молодой человек остановился возле стоявшего в центре юноши с русой, недавно стриженной под горшок, шевелюрой и степными, вытянутыми к вискам, глазами болотного цвета.

– Кто таков, отвечай?

– Иксаем кличут. В робичичах.

– Понятно, что не в князьях. Лет сколько?

– Того не ведаю, господин.

– Хм... с виду четырнадцать есть, в воины гож. Копьем владеть умеешь? Ну, рогатиной?

– Не, господин. Не довелось.

– А стрелой зверя бил?

– Я, господине, тележник. Колесо могу сладить или колодезь.

– Вот и славно! Значит, с секирой справишься запросто, – Радомир подошел к следующему... потом отступил на шаг, осматривая абсолютно одинаковых парнишек – темненьких, но светлоглазых, выглядевших еще совершеннейшими детьми.

– Сержанти! Тыфу ты – Ирман! Что, постарше-то не нашлось людишек?

– Нет, господин, не нашлось, – парень виновато развел руками. – Эти изо всех – самые старшие. Близнецы-братцы. Этот вот, слева – Линь, а справа – Горшеня. Или наоборот, да, господине, без разницы.

– Понятно – что в лоб, что по лбу. Что умеют – даже и не спрашиваю. Коровам хвосты крутить разве что.

– Они камнями метко кидаются, господине.

– Камнями? Ну, хоть что-то. А ну-ка... Вот ты, – Радомир ткнул пальцев в грудь Линя... или Горшени. – Бери-ко камень. Во-он в тот горшок, что на плетне, у дома, висит, попадешь?

– Так, разобьется же.

– Ты сначала попади, чудо!

– Кинуть, что ль?

– Кидай, кидай, сказал уже!

Мальчишка примерился, прищурил глаз... в-вухх! От горшка только осколки полетели.

– Молоде-е-ец! – одобрительно ухмыльнулся Рад. – А пращой – можешь?

– Пращой-то куда как сподручнее, господине!

– Славно! Братец так же может?

– Угу.

– Хорошо, проверять не буду, так уж и быть – поверю на слово. А ну, животы подтянули! Р-равняйся!.. Равняйся, го-

ворю! Это значит – вы все должны ровненько встать... вот у тебя, Иксай, куда ноги вылезли? Видишь, где все? Подтяни, подтяни носки-то... А это что еще за лапы? А, тьфу ты, черт... ясно же – чьи.

Еще раз оглядев воинство, молодой человек в принципе остался доволен – собранная им командочка практически ничем особенно не отличалась от российской армии – такая же помесь детского сада с сумасшедшим домом.

– Ладно, воинство. Пошли!

Взобравшись на белого жеребца, поспешно подведенного стариком управителем, Родион помахал Хильде и с неспешной важностью выехал со двора. За ним нестройной толпой шагали пятеро воинов-гридей... рабов. Ну, уж кто нашелся.

Впрочем, выглядели все – особенно издали – очень даже прилично: развевались на ветру разноцветные плащики, солнышко отражалось в шлемах, играло зайчиками на золоченых рукоятках мечей. Богато, богато выглядели, что и говорить.

– Ну? – проехав полсотни шагов, обернулся в седле Радомир. – И где же Хотобуд с Ятвигом живут? На чьей усадьбе?

– Ни на чьей, господине, – Ирман покачал головой. – Они в новом доме живут, с молодыми воинами.

– А, вот уже до чего дошло социальное расслоение! Дружинники отдельными домами живут, – гулко хохотнул молодой человек. – Ладно, показывай, куда ехать?

– А вона-а, к дальним воротам.

По пути, бросая работу, к процессии присоединялись любопытствующие – Витенеговы, Межамировы, Сдиславовы... Радомира о цели визита не спрашивали – старосты сие считали невежливым, а остальные рылом не вышли и заговаривать со столь достойным – сразу видать! – господином опасались. Как бы за непочтение оглоблей по хребтине не получить. А потому, прямо на ходу выдвигали самые дикие версии.

– Радомир-вождь рать готов воевать собрал, теперь уж отмстим им!

– Не, не готов – с гуннами схватиться хочет.

– И не схватиться, а наоборот – войско им ведет.

– Не-е-е... Это они за невестами к готам собрались!

– Зачем же Радомиру невеста? Он же женат?

– У доброго воина должно быть много жен.

Гордо глядя вперед, Родион еле удерживался от смеха – почему-то так и хотелось сейчас обернуться да крикнуть: «Песню за-пе... вай!»

Интересно, чтоб они спели? Что-нибудь фольклорное, типа – ой то не вечер, то не вее-е-чер... Нет, надо все-таки с ними хорошую строевую песню выучить – веди-и-и, Буденный, нас смелее в бой! – любимый марш старшины Дормидонта Кондратьевича.

– Вот, господине, – забежав вперед, Ирман показал рукою. – Пришли.

– Ого! – удивился Рад. – Не хилую они себе домину от-

грохали. По иностранным чертежам – видать сразу. Казарма, как есть – казарма. Плаца вот только еще не хватает – чтоб было что подметать да зимою от снега чистить.

Действительно, жилище Хотобуда и его дружины представляло собой обычный длинный дом, точно такой же, как и у готов, – наполовину в земле, с обложенной дерном крышей.

– Без окон, без дверей – полна горница людей, – задумчиво пробормотал молодой человек.

– Не, господине, – Ирман поднял голову. – Двери-то есть, вон там, дальше.

– Пошли кого-нибудь мелкого – пусть объявит, мол, Радомир князь приехал с проверкой! Живо пусть все выходят.

– А, может, господине – лучше нам к ним в дом?

– Не лучше! Где там наш чертушко с оглоблиной развернется?

– А-а-а!

– Бэ-э-э! Ежели что не так пойдет, пушай Муму оглоблею всех подряд угощает!

– Это он любит, обрадуется.

– Горшеня!

Послав гонца в дом, стали ждать... недолго: из «казармы» тотчас же вывалили любопытные, в их числе – и сам Хотобуд, и Ятвиг, как всегда – хмурый. Хотобуд выглядел так себе, не особенно-то представительно, губошлеп чернявый. Уж каким уродился, таким уродился – ни красный княже-

ский плащ, ни меч на богато расшитой перевязи положения не спасали и облик особо не облагораживали. Ятвиг... тот, конечно, выглядел посолиднее, но место свое знал и вперед не совался.

Еще были воины – тоже в основном зеленая молодежь, да другим и неоткуда взяться-то было – год назад гунны ведь почти всех подчистую забрали.

– Слышал, что ты вернулся, – подбоченясь, ухмыльнулся Хотобуд. – Что ж – хлеб-соль! Угощениям моим не побрезгуй... или боишься, что отравлю?

Радомир тоже ухмыльнулся в ответ и, спешившись, ответил по-молодежному – уклончиво, так что и не поймешь – согласился, не согласился, пошутил...

– Типа как бы да. Но раз уж приглашаешь... У тебя в доме-то темновато, поди?

– Ха! А о римских лампах ты ничего не слышал? – не преминул похвастаться самозванный вождь. – У меня четыре таких – все воинской доблестью добыто!

Ага... Родион про себя усмехнулся: станется с тебя доблесть, как же! Скорей, коварство да предательство. Или выменял у кого-то – это-то запросто. Воинский вождь, ишь ты... Вождишко!

– Вот, гостюшко дорогой, проходи. И вы, старейшины, проходите!

– Надеюсь, лишних людей ты не позовешь – посидим свободно, в просторе.

– Не позову, – сквозь зубы бросил вождишко. – Слуги только. И ты своих не зови...

– И я – только слуг. Линь, Горшеня – со мной, Иксай – коня береги, Ирман – с Муму у дверей встаньте.

Угощение, честно говоря, было так себе, зато бражка – добрая, Радомир под разговор целых три кружки выпил – Хотобуду с Ятвигом тоже из той же корчаги наливали, так что насчет яда – вряд ли чего подмешали, не травить же самим себя? Да и старейшины – Витенег, Межамир, Сдислав – те сидели молча, словно статисты.

Беседа шла, в общем, вяло – так, ни о чем. Хотобуд, конечно, пытался вызнать – где Радомир шлялся, да, может, с кем союзы завел? Да Рад не пальцем деланный, чтоб отвечать – улыбался только да травил байки.

То же самое делал и Хотобуд – как ни выспрашивал гость о смерти Доброгаста, о Тужире да Истре – ни слова четкого не добился. Чего и следовало ожидать, Хотобуд, он же тоже – не пальцем...

– Значит, Доброгаст – от ножа Истрова. А Тужир – на охоте?

– Да, да, стрела случайная... Вот, утку попробуй, гостюшко, добрая утка и тиной почти не пахнет, это потому что в крупе.

– Да про Истра-то скажи что-нибудь!

– Предатель Истр! Убийца! Батюшку родного зарезал. Горько говорить – но так. Ведь так, старейшины?

– Так, так, – дружно закивали гости. – Доказательств тому представили.

– И что, Истра вы судили?

– Суд был, да. По всем нашим законам. К смерти корнованием приговорили... так ведь бежал, упырь!

– Ладно, поговорим еще о том суде. Поди, Влекумернавий и судил? А, кстати, где он? Чего-то не видать.

Старейшины переглянулись, а Хотобуд скорбно поджал губы:

– Совсем плох стал наш жрец. Волхвует плохо, гадает – хуже некуда. Люди говорят – ушла от него колдовская сила. Так бывает, да – на все ведь воля богов.

Вот это да! Молодой человек чуть не поперхнулся бражкой. Вот этого он не ожидал, вот уж новость, так новость, не хуже той, что про Берию. Влекумера – слили! Ну, надо же... Молодец, Хотобуд – умен, ничего не скажешь. Жреца обыграть – для этого одной хитрости мало.

Всех старейшин нужно было подговорить, перетянуть на свою сторону, да и воинов... как же он управился-то за полтора месяца? С другой стороны, и навий вел себя со старейшинами, мягко говоря, не корректно – слишком уж властолюбив был, да и влияние свое слишком явно показывал. А люди этого не любят, тем более – старейшины. Что же они, Влекумера совсем, что ли, – того? Родион даже испугался – кто ж их с Хильдой теперь отсюда отправит-то?

– И что навий?

– Новый у нас теперь навий, Радомире, – усмехнулся в усы Сдислав. – Посейчас в куцах, волхвует. К празднику, к свадьбам – придет.

– И кто же он?

– Из наших, рода доброго.

Судя по тому, как улыбнулся старейшина, Рад догадался – из чьего именно рода был новый жрец. Понятно все – слишком влиятельный волхв – кому нужен? Эх, Влекумер, Влекумер – за что боролся, на то и напоролся. Властушки захотел? Получи, фашист, гранату! А Хотобуд-то, Хотобуд – умен, хитер, сообразил – не всю власть под себя подгрести надо, со старейшинами поделиться – обязательно. Он – их поддерживает, они – его. Новый жрец – человек Сдислава. Рука руку моет, и Доброгаст, видать, в этом комплоте был лишним. Таким же, как вот сейчас – Радомир, своим появлением испортивший всю малину.

– Так что, старый-то жрец? Тоже помер, что ли? Не удивлюсь.

– Да нет, не помер. Уйде.

– И куда же это он уйде? – молодой человек язвительно оглядел собравшихся. – Только не говорите, что в кущи! Мне б его найти... морду набить – давно кулаки чешутся! Это ведь он нас с Хильдой заплутал...

Старейшины переглянулись, вроде бы как обрадованно, но...

– Нет, – качнул окладистой бородою Витенег. – Не знаем

мы, где его кущи. Странствует.

Нижняя губа Хотобуда зло дернулась, что вовсе не укрылось от внимательного взгляда Радомира. Ага, ясненько. Жив, жив Влекумер – старейшины его специально придерживают, чтоб мало ли что... Те еще хитрованы, особенно – Сдислав с Витенегом. Вроде бы и вместе, но каждый – сам за себя. Ревнивцы – никто силой и властью выделяться не должен... Доброгаст вот попытался – умер. И вряд ли – сам.

– Ты-то вот что нам скажешь, Радомир, Доброгастов сын? – осторожно поинтересовался Сдислав. – Аттила-рэкс, тебя пославший... ждет?

– Ждет, – не стал скрывать Рад. – Не меня – воинов.

Старейшины покивали:

– Ну да, ну да. И где ты их наберешь? Лучше всего – у готов. У них молодежи много. Да ведь и стоит ли набирать? Аттилу-рэкса, говорят, разбили ромеи?

– Разбили, да, – молодой человек согласно махнул рукою. – Но – не до конца. Аттила еще себя покажет! И те, кто его хоть в чем-то послушают, долго не проживут!

– Ага...

Старейшины надолго задумались. С одной стороны, им, конечно, хотелось выпроводить опасного конкурента, тем более – такой удобный случай – однако, с другой – давать ему воинов тоже не очень-то выгодно. А кто здесь останется? С кем, ежели что, за власть-то биться?

– Ин ладноть, – Сдислав пристукнул ладонью по столу. – О

воинах, о дани гуннской потом поговорим, будет еще время.

По всему длинному дому неслышно сновали слуги; Хотобуд иногда подзывал кого-то, что-то шептал, приказывал, искоса поглядывая на гостей. Ладно, старейшины, но вот ему, Хотобуду, Радомир – уж точно, как кость в горле. В любом случае! Уйдет к гуннам – заберет полдружины, останется – первый конкурент. Однако эту старую сволочь – жреца – надо найти, и как можно скорее. А заодно – отыскать истинных убийц Доброгаста и Тужира. И тех, кто оклеветал Истра. Найти и отомстить, как того требовал голос крови.

Ладно... молодой человек улыбнулся – все ж таки, не зря он сюда явился: теперь старейшины точно знают, чего ожидать. Вернее, им кажется, что знают... пусть.

Вечеринка затянулась надолго, пировали всю ночь, и когда Радомир вышел наконец из длинного дома, на улице уже вовсю занимался рассвет. Рядом с домом лениво догорал костер, мерцаая кроваво-красным светом, и порывы ветра разносили по всему двору пепел, серый и теплый, чем-то похожий на кошачью шерсть.

Воины Хотобуда кемарили кто где, точно так же, как и «отделение» Рада: узкоглазый Иксай прикорнул прямо тут же, у костерка, чуть в стороне, в траве, посапывали близнецы, а в кустах жимолости, бросив свою оглоблю, паровозом храпел дурачинушка Муму.

– Идем домой, господине? – ведя под уздцы коня, выска-

чил неизвестно откуда Ирман.

– Идем, – Радомир улыбнулся. – Давай, буди всех. То же еще – воины. Придется уж вами заняться как следует... если время будет.

На башенке, над воротами, маячил темный силуэт часового в плаще и шлеме, где-то уже вовсю гоготали гуси да вскинулся, залаял, пес.

Доброгастовой – ныне Радомировой – усадьбе все уже проснулись, старик Творимир шлялся по двору, распоряжался:

– Вы, девки – на птичник, вы – на морковку, а вам, отроки – навоз на конюшне вычистить...

– Вижу, дела идут, – усмехнулся Рад, въехав во двор. – Госпожа не вставала ли?

– Не, господине, еще не поднялась.

– Ладно, постараюсь не разбудить.

Бросив поводья коня подбежавшему мальчишке-рабу, хозяин усадьбы, стараясь не очень шуметь, подошел к дому... И тут же застыл, увидев выползающую из приоткрытой двери ядовитую гадину – серую, с черным узором.

– Ах ты ж, тварь!

Выхватив меч, Радомир вмиг разрубил змеюгу на части и, охваченный самыми дурными предчувствиями, ворвался в дом...

Раскинув в стороны руки, Хильда лежала на полу, недвижимая, бледная...

– Милая-а-а!!! – молодой человек с криком припал к любимой.

Мертва! Сердце уже не билось.

Глава 4

Осень 452 г. Южная лесостепь

Венец на удачу

– Боже! Боже, за что мне все это? За что?

Вскрикнув, Радомир бросил меч на пол. Жалобно звякнул клинок.

– Милая моя... милая...

Чувствуя, как едят глаза слезы, молодой человек поцеловал жену в мертвые губы, холодные и чужие...

Поцеловал... и замер. Вдруг показалось... Нет, в сам деле – дыхание, едва-едва... А ну-ка!

Рванув на Хильде рубаху, так, что обнажилась грудь, Рад припал ухом... холодная, холодная кожа! Но сердце... сердце билось, едва слышно, медленно: тук... и через полминуты – тук...

Жива!!!

Молодой человек опрометью бросился во двор:

– Эй, кто-нибудь! Кто понимает в укусах?!

Увидев искромсанную змею, в дом осторожно зашел старик Творимир, склонился над девой.

– Ну? Ну? – нетерпеливым шепотом спросил Рад. – Что надо делать-то? Может, яд отсосать? Или отвар какой-нибудь.

– Ничего, господине, – ободряюще улыбнулся дед. – От гадючьего яда мало кто умирает. Вот меня, помнится, несколько раз чикали и ничего. На ложе ее переложим.

– Да-да, конечно, – юноша поспешно подхватил супругу на руки, перенес.

– Теперь надо раздеть, поискать место укуса.

– Раздеть? Ах, да.

Места укуса они так и не нашли – его просто не было, никакой – даже самой микроскопической – ранки.

– Что-то на змею не похоже, – удивленно протянул старик. – Обычно бы распухло все, а тут... сам, господине, видишь. Не, не змея это!

– А что же тогда?

– Может, падучая? Так и на падучую не шибко похоже. Но отвар надо дать.

– Отвар, отвар! – в отчаянье воскликнул молодой человек. – Беги давай, вари свое снадобье. Господи, что же делать-то?

– Волхва бы позвать, – авторитетно заявил Творимир. – Влекумер-навий с любой болезнью справился бы. Да вот только где его отыскать?

– Вот именно – где? Ладно, давай, делай снадобье.

Осторожно укрыв любимую волчьей шкурой, Радомир прилег рядом и сам не заметил, как заснул. А проснулся – от шума: управитель принес отвар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.